

ЮЛИЯ
ВОЗНЕСЕНСКАЯ

Юлианна,

или ОПАСНЫЕ
ИГРЫ

Юлианна

Юлия Вознесенская

Юлианна, или Опасные игры

«Лепта Книга»

2004

УДК 821.161.1-31Вознесенская Ю.
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

Вознесенская Ю. Н.

Юлианна, или Опасные игры / Ю. Н. Вознесенская — «Лепта Книга», 2004 — (Юлианна)

ISBN 978-5-4444-5273-8

«Юлианна, или Опасные игры» – продолжение сказочной трилогии о сестрах-близнецах. На этот раз Юля и Аня попадают в расположенную в далекой Ирландии школу колдовства. Но вера в Бога и заступничество Ангелов Хранителей помогают девочкам преодолеть опасности и козни злых волшебников и победить зло. Первая книга трилогии – «Юлианна, или Игра в Кид неппинг», третья – «Юлианна, или Игра в «дочки-мачехи». Книга будет интересна не только детям среднего школьного возраста, но и их родителям.

УДК 821.161.1-31Вознесенская Ю.

ББК 84(2Рос=Рус)6-4

ISBN 978-5-4444-5273-8

© Вознесенская Ю. Н., 2004

© Лепта Книга, 2004

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	25
Глава 3	47
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Юлия Николаевна Вознесенская

Юлианна, или Опасные игры

© ООО «ГрифЪ», оформление, 2016

© ООО «Издательство «Лепта Книга», текст, иллюстрации, 2016

© Вознесенская Ю.Н., 2016

© Тимошенко Ю., 2016

Ю. Вознесенская

Моей внучке Катеньке Лосевой посвящается

Господи, благослови!

Глава 1

Шел по улице Михрютка, посинел и весь дрожал. По Крестовскому острову он шел, по зеленой Кемской улице. Все восемь паучьих лап домового хромали, спотыкались, шаркали, заплетались на ходу, а угловатые перепончатые крылья подламывались, волочились и скребли по пыльному асфальту. Если бы прохожие могли видеть беса Михрютку, они бы подумали, что домовый тащит на помойку два больших поломанных черных зонтика. Но прохожие домового не замечали, ведь бесы, слава Богу, людям не видны. Однако, когда домовый проходил мимо них, лица их темнели, люди вдруг вспоминали какие-то прошлые обиды и тревожились предчувствиями грядущих бед и катастроф. А еще им казалось, что на Крестовский остров внезапно напозла темная холодная туча, хотя день был ясный и на голубом небе ни облачка. А то вдруг ни с того ни с сего, прямо на ходу, люди осознавали внезапно, что жизнь их решительно не удалась, никто их не понимает и не любит и вот теперь бы самое времечко пойти и утопиться, благо воды кругом предостаточно. Если же прохожие шли компанией, то между ними немедленно находился повод к спору, ссоре или брани – и они спорили, ссорились и бранились. И не понимали бедные люди, с чего это такая напасть с ними приключилась... А это проходимец Михрютка, проходя мимо, дохнул на них злобой.

Вообще-то бесы, конечно, не дышат. Просто они от века настолько переполнены адским духом, что время от времени выпускают ядовитые пары прямо на людей, пыхают на них злом – гнусные злопахатели! И беда тогда некрещеному человеку, живущему без молитвы, и горе тому, с кем рядом не идет его Ангел Хранитель – душа его вмиг отравляется. Зато тем, кто с утра оградил себя броней молитвы, бесы не страшны: такие люди крепко защищены от ядовитого и зловонного дыхания бесовского. А от тех, кто в этот день успел побывать

в храме да еще и причастился¹, бесы сами с визгом шарахаются, боясь обжечься... Но это так, для справки, поскольку такие христиане Михрютке в этот день не попадались. Это и понятно: все было на Крестовском острове – большие дома и богатые особняки, станция метро, огромный стадион, яхт-клуб и закрытый теннисный корт, на добрых пол-острова раскинулся Приморский парк Победы с целым городком аттракционов, был даже дельфинарий! Вот только церкви на острове не было.

С Кемской улицы Михрютка перешел на уединенную Северную дорогу, тянувшуюся вдоль Гребного канала, и тут его окликнули:

– Эй, Михрютка, привет! Ты куда это ковыляешь?

Прямо перед Михрюткой сквозь асфальт пророс бес Недокоп. Пророс он только до половины, по пояс, облокотился о края сотворенной в асфальте дыры и с любопытством уставился на домового: известно ведь, что домовые просто так жилище не покидают, – что-то тут было не так...

– Привет, – нехотя откликнулся Михрютка, обошел торчащего посреди дороги Недокопа и потащился дальше.

– Да постой же ты! – Недокоп выкопался полностью, стряхнул со шкуры асфальтовую крошку и засеменил рядом с домовым. Дыру он за собой убирать не стал: авось кто-нибудь из прохожих в нее угодит и захромает, а то и вовсе ногу ломает. – Михрютка, – спросил Недокоп, оглядывая домового и хихикая, – а ты чего это такой томный и помятый, будто тебя долго-долго жевали, а потом с отвращением выплюнули?

– Ты на себя погляди! – хамски ответил Михрютка. Схамил он не потому, что был сердит, а потому, что бесы иначе между собой просто не разговаривают; сами хамят и людей тому же учат. – Никто меня не жевал, – продолжал домовый, – это я ранен превосходящими силами противника: поп заезжий ожег меня, бедненького, молитвой и ошпарил святой водой. А вот тебя, Недокопка, моль поела!

Соврал Михрютка: не ела моль Недокопа, хоть и был он на старого лысого крота похож, – какая ж это моль на беса сядет? А выглядел как молью побитый оттого, что был приставлен к крещеному человеку, и у того, конечно, был свой Ангел Хранитель – вот ему от этого Ангела и доставалось, да так, что клочки по закоулочкам летели.

– Да ладно тебе, – пробурчал Недокоп примирительно. Он вообще-то смутно сознавал, что оба они хороши – глянешь да плюнешь.

Говорят, что бесы гнусны видом с того самого момента, когда их, Ангелов, перешедших на сторону сатаны, архангел Михаил со своим небесным воинством смел в одну кучу, проволок через все мироздание и затолкал в атмосферу планеты Земля, тогда еще молодой и безлюдной. Словом, заперли их тут у нас. Однако некоторые бесологи и демоноведы утверждают, будто бесы на Земле поначалу еще сохраняли ангельский облик, только темны были видом, а нынешний свой гнусный вид стяжали за тысячи лет творения всяческих безобразий – вот и стали безобразны, совсем утратив былой ангельский образ. То же самое, между прочим, и с людьми происходит. Не замечали? А вы как-нибудь взгляните на себя в зеркало, когда сердитесь: нравитесь вы себе – с этими надутыми губами, злоющими глазами и насупленными бровями? Вот это и есть «бесовская красота». Гнев у вас пройдет, но малая толика безобразия останется навеки. И всякий раз, когда вы сердитесь, вы еще этой антикрасоты себе добавляете – и так на протяжении всей жизни. Вы только подумайте, что с вашим лицом станет к старости, если вы будете давать волю гневу, ярости, зависти, злорадству, унынию и прочим

---

¹ **Причастие, или Таинство Евхаристии** – Таинство, в котором хлеб и вино предлагаются Духом Святым в истинное Тело и в истинную Кровь Господа Иисуса Христа, а затем верующие приобщаются их для теснейшего соединения со Христом в жизнь вечную. Веществом Таинства являются хлеб и вино. Таинство установлено самим Господом Иисусом Христом на Тайной Вечере, накануне своих Крестных страданий. (См.: Иер. Олег Давыденков. Догматическое Богословие. Курс лекций. Ч. 3. М., 1997. С. 257.)

бесовским чувствам? Страшно представить! Впрочем, опытные старцы утверждают, что следы наших дурных дел, мыслей и чувств остаются у нас на лице лишь до тех пор, пока мы в них не каемся, а начнем каяться – и отпечатки даже самых застарелых грехов постепенно сотрутся и пропадут. Так-то вот.

Но вернемся к нашему рассказу.

– Ты, Недокопка, где иляешься? – склочно поинтересовался Михрютка. – Вот ты за своим не следишь, а ведь из-за твоего Акона в доме произошла очередная ангельская диверсия!

– Вот и хорошо, что без меня произошла. Сегодня не мой день, сегодня возле Акона его Ангелок ошиивается, вынужденный простой у меня, так что извините, если у вас там что не так, а мое дело сторона! Уж прямо на час отойти нельзя... А чего случилось-то, Михрютка?

– Ой, что было, Недокоп, что было! Наш дом, весь-весь наш дом по проискам Ангелов Хранителей подвергся... Нет, знаешь, не могу – язык не поворачивается! Да ты лети и сам погляди.

– Нетушки, спасибушки! Я уж лучше с тобой по островку погуляю, а то полечу, да и влечу в какую-нибудь неприятность.

– Обязательно влетишь! Только рассказывать я тебе, Недокопка, ничего не стану, потому как язык мой от ужаса немеет и гортань леденеет...

Ну, коли домовой Михрютка не в состоянии толком рассказать о том, что произошло в доме Мишиных, так это сделаем мы.

В начале лета к одиннадцатилетней девочке Юле Мишиной неожиданно приехала из города Пскова ее сестра-близнец Аня. Поначалу Юлька Аннушку невзлюбила и даже пыталась от нее избавиться. Но позже, пережив вместе опасные приключения, описанные в книге «Юлианна, или Игра в киднеппинг», девочки подружились и полюбили друг друга. Теперь Юлька старалась не расставаться с сестрой ни на минуту. У нее на эту тему даже как-то спор с отцом вышел.

Случилось это так. Дмитрий Сергеевич однажды заглянул утром в Юлькину комнату и увидел, что девочки спят вместе на Юлькиной кровати, а рядом стоит пустая Аннушкина раскладушка. «И вместе спать им тесно, и на раскладушке Аннушке неудобно», – подумал он и в тот же день предложил Аннушке перебраться в одну из комнат для гостей. Но Юлька страшно возмутилась:

– Я по твоей милости столько лет жила без сестры, а теперь она еще будет жить отдельно от меня? Это что же получается, папка? Днем мы будем играть и гулять вместе, а на ночь станем расходиться по своим комнатам? Нет, нет и нет! Я не хочу даже на ночь разлучаться с моей единственной сестрой! Ты, папка, купи нам двухэтажную кровать: Аннушка будет спать внизу, а я наверху.

– И везде-то ты хочешь верх брать! – засмеялся папа, обнимая обеих дочерей. – А если Аннушка сама захочет спать наверху, уступишь ей?

– Нет!

– Я уступлю, папа, – примиряюще сказала Аннушка.

– А я не пущу ее наверх! Ты, папка, не знаешь, какая Аннушка у нас неуклюжая! Когда мы вляпались в киднеппинг, мне приходилось все время за ней следить: то упадет, то кроссовку в грязи утопит, а то и сама чуть не утонет!

При упоминании о киднеппинге папа нахмурился.

Переглянулись и Ангелы, невидимо стоявшие рядом с отцом и сестрами, Хранители Юлиус, Иоанн и Димитриус: это ведь им, воинам небесным, пришлось сражаться с целой стаей бесов за сестер, запертых злоумышленниками в заброшенном сарае. Тогда против Ангелов Хранителей выступили все крестовские и окрестные бесы во главе с предводителем Как-

тусом, а руководил ими не кто иной, как страшный демон Ленинград, бесовский князь Санкт-Петербурга. И Ангелы ничем не справились бы с бесовским воинством, если бы не пришел им на помощь сам градохранитель Санкт-Петербурга, блистательный Петрус со своей ангельской дружиной. Наголову разбили они тогда бесов в Битве при Сарае.

За окном, пристроившись снаружи на карнизе, сидел зеленый бес Прыгун, приставленный к отроковице-озорнице Юлии. Услышав о киднеппинге, он содрогнулся: после проигранной бесами битвы Прыгун больше не смел вплотную приближаться к Юльке – Ангел Хранитель Юлиус его и близко к ней не подпускал. Бес отчаянно нервничал и пытался влиять на свою подопечную издали.

– Понимаешь, папа, – продолжала Юлька, – как только мы начнем возиться и прыгать, Аннушка сразу же свалится с верхней кровати и сломает ногу.

– И вот тогда мне наконец пригодится твой розовый костылек. Ты же так хотела его мне подарить! – засмеялась Аннушка.

В Юлькиной комнате действительно стоял в уголке кокетливый заграничный костыль, с которым когда-то ходила Юлька после перелома ноги. Она правильно поняла намек сестры.

– Ну да, ногу я ломала, было дело. Но вот с тех пор я и занимаюсь спортом, чтобы уж больше никогда ничего не ломать. А вот ты у нас совсем не спортивная девочка.

– А это что, вид спорта такой – прыгать по кроватям? – спросил папа.

– Папка, ну как ты не понимаешь? Вечером положено пошептаться перед сном, а утром – попрыгать и покидаться подушками.

– И ты, Аннушка, тоже так считаешь?

– Не совсем, папочка. Перед сном положено прочитать вечерние молитвы, а уж потом шептаться в постели. А утром, конечно, можно сначала немножко попрыгать и покидаться подушками, но после надо быстренько умыться и сразу стать на молитву.

– С вами все ясно, девочки. Вы хорошо спелись. Вот что, дорогие мои Юлианны, двухэтажной кровати не будет, и точка! Куплю вам одну большую двуспальную кровать. Вот на ней вы будете и шептаться, и прыгать. По крайней мере, не свалитесь и не покалечитесь.

– Класс! Папка, и в кого ты у нас такой умный? Двуспальная кровать – это здорово придумано, это в сто раз лучше, чем двухэтажная! – обрадовалась Юлька и оглушительно чмокнула отца в щеку. Но тут же снова нахмурилась: – Пап, но если в мою комнату поставить двуспальную кровать, у нас там совсем тесно станет!

– Пожалуй. А хотите, я распоряжусь, чтобы между вашей комнатой и соседней сделали проем? Тогда у вас будет комната для игр и занятий и отдельная спальня.

– Ну, это длинная история – проемы проламывать. Каникулы кончатся, покаждемся, – надулась Юлька. Но тут же снова повеселела: – А я придумала! У Жанны большая комната – зачем ей такая? Вы скоро поженитесь, и она перейдет на твою половину. Пускай она временно поживет в моей комнате, а мы с Аннушкой переберемся в ее.

Услышав эти слова, бес Прыгун подскочил и от радости чуть с карниза не свалился.

– Ай да Юлька, классно придумала! Отличный маленький повод для большой домашней войны!

Зато Ангел Хранитель Иоанн, Аннушкин опекун, в тревоге всплеснул крыльями:

– Юлиус, немедленно укроти свою отроковицу! Ты представляешь, как взбесятся Жанна с Жаном?

– Это-то представить нетрудно, но я совсем не представляю, как остановить Юлию.

– Да ты хоть попытайся!

Ангел Юлиус подошел к Юльке, склонился над ней и стал на ухо что-то шептать ей.

Юлька нетерпеливо потерла ухо.

– Ну, папка!

Мишин задумался.

– А если Жанна не захочет уступить вам комнату? – спросил он.

Прыгун за окном двумя антеннами насторожил свои рога. Он строил Юльке рожи и что-то подсказывал на пальцах.

Хранитель Юлиус на него покосился и снова принялся шептать подопечной на ухо.

Юлька затрясла головой и почесала ухо.

Ангел Юлиус укоризненно вздохнул и отошел от нее. Прыгун же радостно закивал своей козьей мордой и завилал закрученным в спираль, как у хамелеона, хвостом.

– Жанна уступит! – надменно заявила Юлька. – Должна уступить, если хочет стать нашей мачехой. А то мы ведь и передумать можем!

Папа усмехнулся Юлькиной самонадеянности.

– Похоже, братие, впереди нас ждут крупные неприятности, – сказал Ангел Юлиус Иоанну и Димитриусу, Хранителю Дмитрия Сергеевича.

Ангелы тревожно переглянулись.

– Хорошо, я попытаюсь уговорить Жанну, – сказал Мишин, но было заметно, что он и сам не очень-то верит в успех такого предприятия.

Девочки поцеловали отца и отправились гулять. Наедине Аннушка еще раз попыталась отговорить сестру меняться жильем с будущей мачехой.

– Разве нам с тобой плохо в нашей комнате, Юля? Зачем нам стеснять Жанну? Это нехорошо и даже как-то несправедливо выходит, хоть она и противная...

– Ага, ага, ты сама ее не любишь!

– Не получается у меня любить Жанну, – вздохнула Аннушка.

– Так ей и надо! Пусть не воображает, что она в доме хозяйка, а то станет мачехой и начнет нас притеснять.

– А не получается, что мы уже сами начинаем ее притеснять?

– Ее притеснишь! – отмахнулась Юлька.

К немалому удивлению Мишина, Жанна, когда он сообщил ей о желании девочек поменяться с ней комнатами, спорить не стала. Она побледнела, затем покраснела, после чего сразу же посинела, и ее накрашенное лицо от смешения искусственных и естественных красок стало фиолетовым. Но Жанна взяла себя в руки, прикинулась кроткой овечкой и тихо сказала Мишину:

– Как скажешь, Митенька. Я готова уступить девочкам свою комнату, если ты считаешь, что так нужно.

И кротость ее притворная была тут же вознаграждена: Мишин предложил ей занять пока его кабинет, а свое рабочее место решил временно устроить внизу, в библиотеке.

– Вот отделаем третий этаж, тогда в доме станет чуточку просторнее, – сказал он, очень довольный, что дело обошлось без скандала. – Девочек поместим наверху, а сами после свадьбы займем весь второй этаж.

При упоминании о предстоящей свадьбе Жанна подобрела, и фиолетовость сошла с ее лица.

Вызвали рабочих и в первую очередь перенесли мебель, компьютер и бумаги из кабинета Мишина в библиотеку, после чего в бывший кабинет переехала Жанна со всеми своими нарядами, мебелью, косметикой, эзотерическими книгами, астрологическими таблицами, курительными палочками, биоэнергетическими маятниками, хрустальными шарами, черными свечами, амулетами, картами Таро, оберегами и прочим колдовским барахлом.

Наконец, сестрам было предложено осмотреть освободившуюся комнату Жанны и решить, как они ее обставят. Аннушка в этой комнате еще никогда не была. Она вошла в нее и остановилась у порога, тревожно озираясь.

Ангелы Иоанн и Юлиус тоже остановились в дверях.

– Экое бесовское гнездышко! – чуть гнусаво произнес Ангел Иоанн, зажимая нос двумя пальцами. – Ну и смердит!

– Да, зловоние исключительной густоты, – согласился Юлиус, обмахиваясь крылом.

– Проходи, не стесняйся, – пригласила Юлька сестру. – Тебе что, не очень нравится здесь?

– Совсем не нравится.

– Почему?

– Ну, комната такая мрачная, и пахнет тут плохо.

Юлька принюхалась.

– Это косметика Жанны, духи ее французские. А еще всякие эзотерические куренья – она же у нас экстрасенс. Ничего, вот мы сюда переселимся – станет пахнуть по-нашему. Что тебе еще не нравится, кроме запаха?

– Стены красные не нравятся, черный потолок не нравится и черный ковер на полу... И вообще неуютно здесь, пещера какая-то, а не комната...

– Стены и потолок – ерунда! Сегодня же скажу папе, чтобы срочно убрали этот ковер и все перекрасили.

– Юль, а папа не обижается, что ты им так командуешь?

– Чего ему обижаться? – удивилась Юлька. – Он ведь наш отец.

– Я бы никогда не решилась с ним так разговаривать.

– А тебе и не надо, тебе это совсем не идет, ты у нас девочка смирная и благонравная. Вот так и продолжай, чтобы твоей примерности на нас двоих хватало: «Ах, какие хорошие и воспитанные девочки эти сестры Мишины!» А когда нам что-нибудь от папки понадобится, например побольше карманных денег или еще что-нибудь, я все переговоры возьму на себя. Папа привык, что у меня большие требования.

– Надо отвыкать.

– Кому, папе?

– Нет, тебе. От больших требований и больших денег.

– От денег отвыкать? А это еще зачем? – удивилась Юлька.

– Затем, что детям опасно иметь много денег. Ты можешь распорядиться ими себе во вред. Так наша бабушка говорит.

– А если я привыкла к евростандарту?

– К чему-к чему ты привыкла?

– К европейскому стандарту жизни, а для этого нужны большие деньги!

– Юль, а тебе не хочется жить по христианскому стандарту? Ты же православная девочка!

– Я бы очень хотела быть хорошей христианкой, но так, чтобы при этом ничего не терять!

Пусть у меня будут самая модная одежда, самый навороченный компьютер, самые красивые иконы и какой-нибудь знаменитый духовный отец!²

---

² Духовный отец – наименование «духовный отец», «духовник» монашеского происхождения. Писатели IV и V веков

– И ты, конечно, всем этим будешь гордиться?

– Конечно!

– А гордиться – грех.

– Гм. Ты уверена?

– Абсолютно.

– Это Церковь так говорит или ты?

– Церковь.

– Странно! А мы в школе сочинение писали на тему «Человек – это звучит гордо», и Жанна тоже говорит, что женщину гордость украшает. – Юлька уселась на черный пол, скрестив ноги и подперев подбородок кулачком. – Вообще, сестричка, я замечаю, что в христианстве все как-то наоборот, не по-людски: много денег иметь – опасно, гордиться – грешно, а других надо любить больше, чем себя. Непонятки!

– Наши христианские законы не от людей, они не от мира сего.

– А откуда же они?

– От Бога.

– А! Ну, Ему, конечно, виднее. Знаешь, я Его иногда понимаю. Вот ты, например, у нас тоже не от мира сего, а мне ты нравишься гораздо больше Киры, Гули и, если уж честно, даже больше меня самой. Вот и получается, что вы с Богом правы! – Она легко вскочила на ноги и огляделась. – Ладно, хватит философствовать, давай о деле думать! Вот тут мы поставим нашу двуспальную кровать, выберем са-а-амую большую, какая только найдется в мебельном магазине! Тут будет твой стол, тут мой, а между ними компьютерный столик. Хочешь отдельный компьютер или пока будем общим пользоваться?

– Хватит нам одного компьютера, незачем отца разорять. Я ведь им и пользоваться толком не умею.

– Я тебя в два счета научу! А самые сложные операции Юрик покажет. Сюда шкаф поставим, сюда музыкальный центр. А в этот угол поставим полки. Согласна?

– Насчет этого угла я как раз не согласна, Юленька.

– Почему?

– Это Красный угол.

– Да тут все углы красные!

– Не в том смысле красный: Красным называется угол, в котором иконы стоят.

– А разве нельзя их держать на полке, как до сих пор было?

– Можно, конечно, если по-другому не получится. Но лучше бы устроить настоящий молитвенный уголок.

«духовными отцами» называют опытных подвижников. Прпп. Ефрем Сирий, Иоанн Пророк, Нил Синайский, св. Иоанн Лествичник говорят о «духовном отце» в том смысле, в каком мы употребляем теперь понятие «старец». При всем разнообразии в словоупотреблении термин «духовный отец» в христианской письменности с V по начало IX века чаще всего означает монастырского старца. Институт «духовного отца» в то время представлял собою монастырское старчество, так что старчество – ранняя форма «духовного отца». Старец являлся не только «духовником» в тесном смысле слова, т. е. лицом, принимающим исповедь, но и руководителем всей жизни монаха. Ясно, что такой руководитель не мог назначаться, а избирался свободно ищущим духовного руководства. Так, авва Исаия говорит: «При выборе (старца) не на того обращаю внимание, кто преклонных лет уже, но кто убелен ведением и опытностью духовною». Таковые духоносные наставники необходимы нам потому, что в силу нашей общей греховности мы часто не можем различить воли Божией. Духоносный наставник, созная, что передает Волю Божию, облакает послушника конкретными послушаниями, которые, в случае искреннего исполнения, способны не подавить, а очистить и закалить его собственную волю и очистить сердце от страстей. Такие послушания даются каждому свои, в соответствии с внутренним миром послушника. Отсюда и пресловутая необычность тех послушаний, примеры которых мы встречаем в патериках и отечниках. Современное же лжестарчество нередко гонится только за этой «экстравагантностью» приказаний, и ее неопытные люди принимают признаком святости, чуть ли не самым важным. Вместе с тем наряду с наставничеством духоносным есть наставничество, так сказать, человеческое, которым мы не можем пренебрегать. Если первое духовничество воистину Божественно, а следовательно – непререкаемо и, по сути дела, ничем непроверяемо, то второе основано на опыте духовной жизни конкретного пастыря – духовника и его паствы и не влечет за собой безусловного подчинения.

- Ну давай рассказывай, как его устраивают.
- Да очень просто: мы поставим в угол маленький столик для книг, а над ним повесим мои иконки. Еще хорошо бы лампадочку поставить или повесить...
- И она будет по ночам гореть? Я в кино такое видела.
- У нас с бабушкой в спальне всегда лампадка горела, пусть и у нас горит.
- Ух ты, класс! Только надо и мне свои иконы завести. Откуда у тебя иконы?
- От мамы и бабушки.
- Я не про это! Откуда вообще иконы берутся?
- В Пскове их продают в церквях и в монастырях, у нас их много.
- В Петербурге тоже полно церквей. Давай попросим дядю Акопа туда съездить и купить для нас все что надо.
- А давай, Юль, сделаем так: попросим дядю Акопа свозить нас в иконную лавку и там сами выберем иконы и купим их на свои карманные деньги.
- Правильно, так и сделаем! И попросим папку для такого случая выдать нам побольше карманных денег. Купим самые лучшие, самые красивые и самые большие иконы!
- И всегда-то тебе хочется самое-самое, – вздохнула Аннушка.
- А как же иначе? – удивилась Юлька.

Ремонт сделали быстро, всего за три дня, а потом в бывшую «пещеру» Жанны перенесли мебель из Юлькиной комнаты. Была куплена большая двуспальная кровать, составленная из двух отдельных кроватей, которую девочки сразу же проверили – испрыгали оба матраса вдоль, поперек и по диагонали. Кровать испытания выдержала – не развалилась и даже ни разу не скрипнула.

Из библиотеки сестры сами перенесли в свою новую комнату круглый столик и поставили его в Красный угол, и Аннушка разложила на нем свои иконки, молитвослов и Евангелие. Потом они пошли к Акопу Спартаковичу и попросили его свозить их в иконную лавку.

– Хотите купить в новую комнату новые иконы? Хорошее дело задумали, девочки, – сказал Акоп Спартакович, – и я вам с радостью помогу. Не станем откладывать благое дело, едем прямо сейчас! Я вот только позвоню Дмитрию Сергеевичу и спрошу, сколько денег можно потратить на это духовное мероприятие.

У папиного секретаря Акопа Спартаковича была одна особенность, делавшая его человеком непредсказуемым не только для окружающих, но и для самого себя. Дело в том, что приставленные к Акопу Спартаковичу Ангел Хранитель и бес-искуситель находились при нем не одновременно, а по очереди: если сегодня ему сопутствовал Ангел, то завтра им руководил бес. В этот удачный для сестричек день Акоп Спартакович пребывал под сугубым наблюдением Ангела Хранителя Аконуса, а бес Недокоп боязливо жался в сторонке.

Они отправились на машине покупать иконы.

Ангелы Хранители их, конечно, сопровождали, а бесы Недокопка и Прыгун, услышав о цели поездки, благоразумно решили остаться дома.

Акоп Спартакович по роду своих обязанностей хорошо знал, что и где в городе можно купить. Он повез сестер в православный магазин напротив Александро-Невской Лавры, и там их встретило великое обилие икон, лампад и церковной утвари. Увидев прислоненный к стене золоченый резной иконостас, Юлька бросилась к нему.

- Что это, Ань?
- Иконостас.

– Обалдеть! Вот то, что нам нужно, – решила Юлька. – Ты представляешь, придут Юрик и Гуля с Кирой в гости, откроют дверь в нашу комнату, а у нас – иконостас!

– Нет, Юленька, это иконостас для небольшой церкви или часовни; нам с тобой надо что-нибудь поскромнее. И вообще иконостасы ставят только в церкви, а нам бы подошел небольшой киотик.

– А вот что это там за шкафчик такой с иконами? Это нам не подойдет?

– Это как раз и есть киот для икон. Но он страшно дорогой, Юля!

– Ничего. Папа разрешил купить все, что нам понравится, – вот мы его и купим. И еще вот такой подсвечник – ты только посмотри, Ань!

Понравившийся Юльке бронзовый подсвечник был ростом почти с нее и тоже оказался церковным: пришлось ограничиться лампадкой на кронштейне с цепочкой. Потом Юльке понравились расписные фарфоровые сосуды и кружечки для святой воды и серебряные ладанницы. Было куплено и то, и другое, и третье, после чего перешли к иконам. Аня сразу же выбрала две иконы Спасителя и одну Божьей Матери.

– Одну икону Иисуса Христа я бы хотела купить для столовой. Как ты думаешь, Юль, папа позволит ее там повесить? А то перед едой молимся на пустой угол.

– И спрашивать не будем, повесим и все! Правда, дядя Аноп?

– Не думаю, что Дмитрий Сергеевич станет возражать, – ответил тот. – Но спросить надо, хозяину дома уважение оказать.

– Ладно, окажем, – легко согласилась Юля.

Она попросила продавца показать ей иконы Ангела Хранителя и, конечно, выбрала самую большую.

– Не надо ее заворачивать, я ее в руках понесу, – сказала она продавцу. Тот удивился, но вручил икону ей в руки.

Юлька поцеловала икону и прижала ее к груди.

– Я хочу сама внести в дом икону моего Ангела Хранителя, – шепнула она сестре. – Ведь я его так люблю, так люблю!

Растроганный Ангел Юлиус в ответ тихонечко поцеловал ее в макушку.

Аня улыбнулась сестре.

– Еще надо купить икону твоей святой. Только я не знаю, какая у тебя Юлия, их ведь несколько.

– Мученица Юлия Карфагенская, – сказал Юлиус Иоанну и Анопусу. – Только вот как бы Юленьке сообщить об этом?

– Да очень просто, – сказал Анопус и порхнул за прилавок, где рядом с продавцом стоял его Ангел Хранитель. Ангелы пошептались, Хранитель наклонился к продавцу и что-то тихо ему сказал.

Продавец внимательно прислушался к беседе девочек.

– Как твое святое имя, девочка? Юлия?

– Да.

– А когда тебя крестили?

– Ань, когда?

– Она родилась седьмого июня, в один день со мной, а крестили нас через восемь дней, – сказала Аннушка. – Так наша бабушка говорит.

– Ага, теперь все ясно: вы сестры-близнецы и крестили вас в один день. Значит, ее святая покровительница – мученица Юлия Карфагенская. Сейчас мы разыщем иконку твоей свя-

той. – Продавец выставил на прилавок длинную коробку, в которой плотно стояли небольшие иконки, и стал их перебирать. – Вот она, держи!

Юлька одной рукой прижала к груди икону Ангела Хранителя, а другой бережно взяла маленькую иконку Юлии Карфагенской.

– Вот она какая, моя святая!

Аннушка подошла к сестре, обняла ее и тоже стала рассматривать иконку: святая Юлия была изображена в голубом хитоне с белым покрывалом на голове и плечах, а в правой руке она держала крестик.

– Святая Юлия Карфагенская была распята на кресте подобно Христу, – сказал продавец. – Жестокий правитель казнил ее за то, что она отказалась служить языческим богам³.

– А у вас нет ее биографии? – спросила Юлька.

– Истории жизни святых называются житиями, – поправил ее продавец. – Спроси в соседнем отделе, где у нас книги. Но могу тебе сказать, когда у тебя именины, – двадцать девятого июля. Скоро будешь праздновать день своего Ангела⁴.

– Здорово! А когда твой день Ангела, Ань?

– У меня день Ангела уже прошел, он у меня двенадцатого июня, – сказала Аннушка.

– А тебя как зовут? – спросил продавец.

– Аня.

– В честь святой Анны Кашинской?

– Да, моя святая – благоверная княгиня Анна Кашинская⁵.

– А ты знаешь ее житие?

– Знаю. Она была вдовой князя Михаила Тверского, тоже святого, а после его смерти она ушла в монастырь. В городе Кашине хранятся ее мощи: частицы их там есть в каждой церкви.

– Откуда же ты все это знаешь?

– Мы с бабушкой ездили в паломничество в город Кашин.

– И у тебя, конечно, есть иконка святой Анны Кашинской?

– Есть. На мощах освященная. Мне бабушка подарила.

– Какая чудесная у вас бабушка! А тебя бабушка не возила на поклонение мощам святой Юлии Карфагенской? – с улыбкой спросил продавец Юлька. – Ведь у вас, как я понимаю, одна

---

³ **Св. Юлия Карфагенская** – мученица дева Иулия пострадала в 440 или в 613 г. Она происходила из знатного рода в Карфагене. При взятии города была захвачена в плен и продана в рабство одному богатому сирийскому купцу. Своим кротким характером, смирением, добросовестным отношением к делу и целомудрием она заслужила не только расположение, но и уважение своего господина. Однажды, будучи на острове Корсика по торговым делам, купец принял участие в языческом празднике; св. Иулия, оставаясь на корабле, обличала заблуждения язычников. Язычники вздумали отомстить ей за это. Они, напоив купца вином до опьянения, били ее, рвали ей волосы, резали тело и затем распяли. Тело бросили на острове. Иноки похоронили его. На месте, где нашли тело, вскоре забили два чудотворных источника, которые действуют и поныне, являясь местом паломничества на о. Корсика. В 763 г. чудотворные мощи ее были перенесены в г. Брешию (совр. Италия), в основанный лангобардским королем Дезидерием женский монастырь. До XX в. св. Иулия считалась покровительницей города, ныне ее мощи вынесены из кафедрального собора, а в посвященной ей церкви св. Джулии устроен музей религиозной живописи. На данное время мощи святой нашли приют к северу от Брешии, в местечке Вилладжиа Преальпино. День памяти 16 / 29 июля.

⁴ **День Ангела** – день, в который Церковь поминает того святого, чье имя носит христианин.

⁵ **Св. Анна Кашинская**. Св. благоверная великая княгиня Анна родилась в конце XIII века, когда Русь стонала от страшного татарского нашествия. Ее мужа и сына убили в Орде, а самой ей пришлось скрываться с детьми и внуками от татарского гнева. Блгв. кн. Анна всей своей многострадальной жизнью несла подвиг праведной женственности – целомудрия, безусловного послушания воле Божией, беззаветно-кроткой покорности и верности мужу, а затем – подвиг безутешного вдовства, украшенный монашеским чином. 2/15 октября 1368 г. она преставилась всеми почитаемой схимонахиней. После кончины святая Анна почиталась местно. Чудеса при гробе святой Анны начались в 1611 г., во время осады Кашина литовскими войсками. 21 июля/3 августа 1649 г. были обретены ее нетленные мощи, а 12/25 июня 1650 г. княгиня Анна была причислена к лику святых, и мощи ее были перенесены в Воскресенский собор для поклонения. Но в 1677 году патриарх Иоаким поставил вопрос на Московском Соборе об упразднении ее почитания в связи с обострением старообрядческого раскола, использующего ее имя в своих целях. В 1909 г., 12/25 июня, произошло вторичное ее прославление и установлено повсеместное празднование. Ныне мощи св. Анны покоятся в Вознесенском кафедральном соборе г. Кашина.

бабушка на двоих? Впрочем, что я спрашиваю! Мощи святой Юлии находятся в Италии, а ехать туда далеко и дорого.

Юлька немного обиделась и тут же задрала нос.

– Если я захочу, то сама могу запросто свозить мою бабушку к моей святой в Италию!

Продавец поднял брови.

Юлиус тут же подлетел к Юльке и начал ей выговаривать.

Юлька искоса глянула на икону Ангела Хранителя: ей показалось, что Ангел смотрит на нее неодобрительно.

– Простите! – буркнула она продавцу.

Ангел Юлиус покачал головой.

Продавец вежливо ответил:

– Бог простит.

– Пойдем, Юля, посмотрим, что тут еще есть, – сказала Аннушка, беря сестру за руку и отводя от прилавка. – Извините нас, пожалуйста! – тихо сказала она продавцу. Тот кивнул и улыбнулся в ответ: Аннушкино «извините» прозвучало совсем иначе, чем Юлькино «простите».

– А чего ж он... – начала было шепотом возмущаться Юлька, но Аннушка ее перебила:

– Юленька, давай теперь посмотрим книги!

Девочки отправились в соседний зал и там остановились, разглядывая полки с книгами.

Ангелы последовали за ними.

– Какие славные девочки! – сказал Акопу Спартаковичу продавец. Было похоже, что на Юльку он ничуть не обиделся.

– Да, хорошие девочки, хотя и очень разные.

– Разве? А мне показалось, что их совсем не различишь.

– Это, знаете ли, только на первый взгляд.

Продавец в книжном отделе был совсем молоденький и одет был в какой-то, как показалось Юльке, черный халат. Он первым делом спросил, есть ли у девочек детские молитвословы и Евангелие, потом стал расспрашивать, что они любят читать.

– Жития и книги о русской старине, – сказала Аннушка.

– Фэнтези, – буркнула все еще надутая Юлька.

– Фэнтези? – обрадовался книжный продавец. – Замечательно! Знаешь, я тоже очень люблю христианские фэнтези.

– Разве такие бывают? – удивилась Юлька.

– Конечно, бывают! «Хроники Нарнии» Клайва Льюиса, например, или сказки Джорджа МакДональда⁶. А еще современный русский автор Елена Чудинова⁷, у нас есть ее новая

---

⁶ **Джордж МакДональд** (1824–1905). Писатель, поэт и теолог, один из родоначальников фэнтези. Книги Макдональда оказали большое влияние на Клайва С. Льюиса. Родился в местечке Хантли под Абердином. Священник-протестант, впоследствии проповедник и лектор. В 1855 году опубликовал трагедию в стихах «Внутри и извне», после выхода которой стал профессиональным писателем. Наиболее известные детские повести «За северным ветром» (1871), «Принцесса и гоблин» (1872), «Принцесса и Карди» (1873).

⁷ **Елена Чудинова** – современная писательница, пишущая на религиозно-христианские темы. Автор историко-приключенческих романов, фэнтези, фантастики. Наиболее известные: «Ларец» – роман-фэнтези, «Держатель знака», «Мечеть Парижской Богоматери».

книжка «Ларец». В книге рассказывается, как три девочки, примерно ваши ровесницы, победили ужасного древнего демона.

– Верующие были девочки? – спросила Аннушка.

– Конечно! Иначе как бы они с ним справились? Вот вам Льюис, вот вам МакДональд, а вот Чудинова... – Продавец достал с полки и положил на прилавок три нарядные книжки. – А вон там на полке – книги Николая Блохина. Это тоже православные фэнтези.

– Ой, я его читала! А «Бабушкины стекла» у вас есть? – спросила Аннушка.

– Как не быть! А еще для вас персонально, раз вы так любите историю, есть его новая книжка «Святая Русь на реке времен». Очень советую!

– А «Гарри Поттер» у вас есть? – спросила Юлька, в сомнении перелистывая «Нарнию». – У меня уже есть четыре книги, а пятой пока нет.

– Книгами о Гарри Поттере не торгуем, – строго сказал продавец.

– Почему?

– Потому что там все неправда.

– Как? Разве не все фэнтези – выдумка? – удивилась Юлька.

– Фэнтези то же самое, что волшебная сказка, а мудрые сказки не только забавляют, но и учат различать добро и зло, – ответил продавец. – А неправильная сказка только развлекает и перемешивает добро со злом в одну кучу – вот я про какую неправду толкую. Понятно?

– Не очень, – ответила Юлька. – Лично я очень хотела бы учиться в школе волшебников, как Гарри Поттер.

– Православная девочка хочет учиться в школе ведьм и колдунов? – удивился продавец и покачал головой.

– Да ну вас, ничего вы не понимаете! – обиделась Юлька.

– Я только свое мнение высказал, – пожал плечами продавец. – Может у меня быть свое мнение о Гарри Поттере?

– Не может! – топнула ногой Юлька. – Если вы торгуете книгами для детей, так и должны продавать то, что детям нравится, – а детям нравится Гарри Поттер!

– Ну, далеко не всем детям нравится этот психованный Гарик.

– Всем! Всем нравится! Если только они не последние тупицы отсталые! – вдруг закричала Юлька, покраснев и топая уже двумя ногами поочередно.

– Юленька, что с тобой? – испугалась Аннушка.

– А ничего! Надоели мне все эти поучения!

Она развернулась и быстро пошла в третий зал, где продавались одеяния для священников, которые ей были, конечно, совершенно ни к чему.

– Я, кажется, ее обидел? – растерянно спросил продавец Аннушку.

– По-моему, это она вас обидела. Вы на нее не сердитесь, на нее иногда находит. А вообще-то она очень хорошая, честное слово!

– А как ее зовут? Вы ведь сестры, да?

– Сестры. Ее зовут Юля, в честь Юлии Карфагенской.

– Ой, вот хорошо-то! – воскликнул продавец. Он выхватил из-под прилавка какую-то книжку и побежал вслед за Юлькой.

– Юлия, а Юлия! Пойдите-ка! – позвал он и, когда Юлька оглянулась, протянул ей книжку. – Простите меня Христа ради! Расстроил я вас, ввел в искушение... И примите от меня подарок: в этой книжке про вашу святую Юлию Карфагенскую написано.

– Правда? – Юлька тотчас забыла обиду и взяла у него книжку, прижав икону Ангела подбородком. – Николай Блохин, «Избранница»⁸... Сколько стоит эта книжка?

---

⁸ **Николай Блохин** – современный писатель, пушущий на религиозно-христианские темы. Автор романов-фэнтези на православную тематику, сказочных повестей и др. Наиболее известные: «Глубь-трясина», «Бабушкины стекла», «Избран-

– Нисколько. Это вам от меня подарок на именины – у вас ведь скоро день Ангела.

– Ага, говорят... А у вас что, такая большая зарплата, что вы покупателям книги в подарок раздаете?

– У меня не зарплата, у меня стипендия, я в семинарии учусь. А эту книгу мне наш директор отдал: видите, у нее сзади обложка порвана.

– А! Ну тогда спасибо. Я дома попрошу Аннушку заклеить, она у нас аккуратная, – сказала Юлька. – Наконец я теперь все узнаю про мою святую!

Девочки вернулись в книжный зал и снова принялись перебирать книги на детской полке.

– А что это такое – семинария? – шепотом спросила Юлька у сестры.

– Это школа, где учатся будущие священники, – так же шепотом ответила Аннушка.

– Так вот почему на нем этот черный балахон, это у них форма такая?

– Да. Подрясник называется.

Аннушка купила маленький молитвослов для детей и книгу «Святая Русь на реке времён», а Юлька решила взять сразу все книги Николая Блохина, какие были в лавке.

– Мне этот писатель уже нравится, раз он про мою святую пишет! – объяснила она продавцу и Аннушке.

Сестры вернулись в первый зал к Акопу Спартаковичу. Тот уже успел расплатиться за покупки и даже отнести в машину тяжелый киот. Когда подошли девочки, продавец уже заворачивал последнюю покупку – фарфоровый сосуд с изображением Александро-Невской Лавры и надписью «Святая вода». Увидев сестер, Акоп Спартакович сказал продавцу:

– Не надо заворачивать эту бутылочку. Дайте-ка ее мне!

Продавец удивился, но протянул сосуд Акопу Спартаковичу. Тот бережно опустил его в карман пиджака и обернулся к сестрам.

– Вы не устали, девочки? – спросил он.

– Ну что вы, дядя Акоп! Тут все так интересно! – сказала Юлька.

– Тогда позвольте предложить вам маленькое паломничество.

– Паломничество? – удивилась Аннушка. – А далеко? Папа не будет волноваться?

– Он знает, что вы со мной, и волноваться не станет. А паломничество нам предстоит не слишком далекое – в Александро-Невскую Лавру.

Они простились с продавцом, Акоп Спартакович взял сестер за руки и повел их из лавки. Они оставили машину с покупками на стоянке, с трудом уговорив Юльку положить иконы Ангела Хранителя и святой Юлии на сиденье. Они обошли площадь с памятником святому Александру Невскому посередине и направились в ворота Лавры. Акоп Спартакович при этом перекрестился, и девочки сделали то же самое. Они миновали стену старинного кладбища, куда посетителей пускали почему-то за деньги, перешли по мостику неширокую речку и подошли к собору. Войдя в храм, дядя Акоп положил три земных поклона, истово восклицая при этом:

– Боже, милостив буди мне, грешному!

– *Он у тебя всегда так благочестив? – спросил Акопуса Ангел Иоанн.*

– *Через день, – честно ответил Акопус.*

Девочки восхищенно оглядывали грандиозный храм, в котором сейчас было совсем немного народа; только в одном приделе небольшой толпой стояли молящиеся – там служили молебен.

Аннушка сказала сестре:

– Пойдем купим свечи и поставим за здоровье папы и бабушки и за упокой нашей мамы.

– Веди. Я тут ничего не понимаю.

Они купили свечки: Юлька, конечно, выбрала самые большие и дорогие, Аннушка – средние. За папу и бабушку поставили свечи Божией Матери, Спасителю и святому Александру Невскому, а за маму – к Распятию.

– Теперь мы пойдем поклониться святым мощам князя Александра Невского, русского покровителя нашего города, – торжественно объявил Акоп Спартакович, и они отправились к раке святого князя.

– А что, есть и нерусский покровитель Петербурга? – спросила по дороге Юлька.

– Да, святой апостол Петр – ведь это в честь него назван город.

– Правда? А я думала, в честь Петра Великого!

– В старой России в честь самих себя города не называли, – строго сказал Акоп Спартакович.

Трое Хранителей степенно выступали за подопечными. Возле раки с мощами стояли несколько Ангелов, а над самой ракой их вилась целая стая. Но какова же была радость Хранителей, когда среди стоящих Ангелов они разглядели и самого святого князя! Он был в старинном русском одеянии, длинном, богато расшитом, и с сияющим венцом на голове. Ангелы почтительно ему поклонились. Святой по их просьбе благословил сестер и Акопа Спартаковича.

Юлька в храме присмирела, а возле раки святого князя и вовсе оробела, что было на нее совсем не похоже. Она не спускала глаз с Аннушки и повторяла все ее движения: положила такие же земные поклоны перед ракой, благоговейно приложилась к ней и скромно отступила в сторону, уступая место другим паломникам.

Отойдя от раки, сестры обнаружили, что дядя Акоп куда-то исчез. Они вышли в притвор и там стали его дожидаться.

У Акопа Спартаковича, похоже, везде были связи: он подошел к старушке, убиравшей храм, что-то ей шепнул и передал сосуд для святой воды; она взяла его и скрылась за укромной дверцей между колоннами. Через несколько минут старушка вынесла сосуд, уже наполненный святой водой, и литровую пластиковую бутылку в придачу. Потом Акоп Спартакович скрылся за другой дверью и вскоре вышел оттуда, ведя за собой молодого священника, на вид совсем юношу, невысокого, худенького и с небольшой белокурой бородкой.

– Вот эти сестрички, отец Георгий, – сказал он, подводя его к девочкам.

– Благословите, батюшка, – сказала Аннушка и склонилась перед священником, держа перед собой ладони крест-накрест. Отец Георгий благословил ее и вопросительно поглядел на Юльку.

– Здравствуйте, – вежливо ответила Юлька и протянула руку. – Меня зовут Юлия Мишина.

– Очень приятно познакомиться, благочестивая паломница Юлия, – сказал отец Георгий, пожимая ей руку. – Пришла поклониться святому покровителю нашего города?

– Я с сестрой пришла, – честно уточнила Юлька.

– Что ж, благое начало, – ласково сказал батюшка и погладил Юльку по голове. – Ты побывала в гостях у святого благоверного князя Александра Невского, а теперь я поеду к вам в гости, и мы освятим ваш дом.

– Ой, как хорошо! – просияла Аннушка. – Я уже давно хотела папу об этом попросить. Спасибо вам, дядя Акоп!

– Надо было давно ко мне обратиться, я бы все устроил, – сказал Акоп Спартакович.

– Угу, только надо было еще правильное время выбрать, когда к тебе можно обращаться: в Недокопкин день ты бы нам такое освящение устроил, что святых выноси! – заметил Ангел Аконус.

– Ну что, Акон, едем? Времени у меня немного, – сказал отец Георгий.

За скромным худеньким священником ступал высокий статный Ангел; он был на целую голову выше других Ангелов Хранителей и намного шире их в плечах.

– Куда едем? – спросил он Хранителей из дома Мишиных.

– На Крестовский остров, в дом, который еще никогда не освящался.

– Понятно, – сказал Ангел Георгиус и поправил рукоять меча.

Сказать, что в доме Мишиных в этот день произошел скандал, все равно что назвать извержение вулкана праздничным фейерверком.

Машина со священником и святой водой еще только въехала на остров, а крестовские бесы уже переполошились, как стая ворон перед грозой: они слетались со всех сторон, облепили деревья вдоль Петроградской улицы и Морского проспекта; с дикими воплями они кружились над машиной, пикируя на капот и пытаясь залепить крыльями ветровое стекло. Их отгоняли Хранители, летевшие низко над крышей автомобиля; Ангелы защищали своих людей и зорко следили за дорогой, чтобы не дать бесам подстроить какую-нибудь дорожную аварию – на такие пакости бесы большие мастера! Вот, кстати сказать, почему в автомобиле обязательно надо иметь иконку, и хорошо, что у Акона Спартаковича к приборной доске были прикреплены пять образочков. Правда, на зеркале у него висел маленький зеленый чертик – но ведь это же Акон Спартакович!

Наконец машина въехала в ворота, и тут-то началось самое главное! С молитвой кропя святой водой все вокруг, по дорожке к дому двинулся отец Георгий; за ним шли Акон Спартакович и девочки, все трое сияющие и мокрые – молодой священник то и дело оборачивался и кропил их «святим душем».

Над ними, распевая молитвы, летели торжествующие Ангелы Хранители, а впереди, сверкая обнаженным мечом, победно выступал грозный Ангел Георгиус.

Услыхав, что дом собираются освящать, бесы-минотавры, прижившиеся при охране, один за другим перескочили через высокий забор и попрятались в кустах на другой стороне улицы.

Вбежав на крыльцо, Акон Спартакович гостеприимно распахнул дверь дома перед отцом Георгием. Вслед за ним вошли и девочки.

– Жанна! Ты дома? Иди скорей сюда! Мы сейчас дом будем освящать! – закричала Юлька. Ей никто не ответил.

– Уехала куда-нибудь? – предположила Аннушка.

– Ей же хуже, – пожалала плечами Юлька. – Самое интересное пропустит, потом сама жалеть будет.

А Жанна вовсе никуда не уезжала: предупрежденная бесами, она забаррикадировалась в своих новых апартаментах и лежала на кровати, накрывшись черным покрывалом и засунув голову под подушку.

Бес Жан, надо отдать ему должное, хозяйку в беде не покинул, хотя при первых же звуках молитвенных песнопений все его бородавки вспухли и стали оранжевого цвета, будто их

смазали свежим соком чистотела: черный бес-ящер стал похож на гигантскую саламандру. Он лежал под кроватью Жанны, цепenea от страха и не осмеливаясь даже почесаться.

– Уж-ж-жас! Ненавиж-ж-жу! Уничтож-ж-ж-у! – слышалось из-под черной подушки.

Жан осторожно высунул голову из-под кровати.

– Да не жуужжи ты как оса – услышат! Они уже рядом, в спальне Мишина...

– Ой! – Жанна кувырком слетела с кровати и поползла под нее, шипя:

– Подвинься, ты, земноводное!

– Земноадное, смею заметить, – поправил ее Жан.

– Тс-с-с, саламандра!

– Сама тс-с-с, лахудра!

Они лежали рядом под кроватью, толкаясь, лягаясь, переругиваясь, и от бессильной ярости скребли когтями по паркету.

А больше всех в этот день не повезло домовому Михрютке. С утра у него было лирическое настроение. Он качался на люстре в гостиной и вспоминал незабвенные былые годы, проведенные в запущенном Исаакиевском соборе, превращенном в музей. В храме тогда не шли службы, не звучали молитвы, а он, Михрютка, находясь в должности музейного домового, качался сколько хотел на маятнике Фуко. Злонаучный этот маятник демонстрировал суточное вращение Земли и, по заверениям экскурсоводов, будто бы тем самым одновременно доказывал отсутствие Бога. Бес-то знал, что вращением Земли, как и движением всех других светил во Вселенной, сам Бог и заведовал, но пустословие гидов ему очень даже нравилось. Эх, золотое было времечко, хорошо жилось бесам при коммунистах-атеистах! Вот бы снова храмы закрыли, священников разогнали, а людям запретили в Бога верить! И пусть бы даже они при этом и в бесов не верили – наплевать! «Оно даже и лучше, когда в тебя не верят, – размышлял Михрютка, – тут-то самая волюшка и начинается: делай что хочешь – никто тебя не заподозрит».

Когда послышалось пение священника и Ангелов, размечтавшийся домовый не успел удрать и как следует спрятаться. Услышав шаги у дверей гостиной, он прямо с люстры сиганул в камин. А отец Георгий взял да и брызнул в жерло камина святой водой! Несчастный Михрютка, ломая крылья, теряя когти, с истошным криком нырнул в дымоход, там врезался головой в закрытую заслонку и только после этого вылетел в трубу. А возле дома на него еще и быки-минотавры с рогами наперевес набросились: «Почему-му-у попы со святой водой ходят по всему-му-у нашему-му-у дому-му-у? За что платим домовому-му-у?» И с каждым «му-му» рогами по Михрютке – бум-бум! И так они его отмумукали и отбумбумкали, что он еле живой от них вырвался.

Отец Георгий в сопровождении дяди Акопа, сестер и Ангелов обошел весь дом, пропустив только запертую комнату Жанны. Но бывшую ванную комнату Мишина, которой уже начала пользоваться Жанна, отец Георгий все-таки освятил. Услышав, что он вступил в нее с молитвой, Жанна взвыла и заколотилась головой о пружины кровати.

– Ты чего, хозяйюшка? – спросил Жан с притворным участием. – Смотри, головку повредишь, прическу попортишь!

– А ты что, не слышишь? Элементарных удобств лишают! Теперь в туалет ходить будет страшно, а уж чтоб понежиться в ванне... Выживают проклятые девчонки из собственного дома!

– *Дом пока еще не твой, хозяйка!*

– Ерунда, почти мой! Ну, я им покажу...

– *Не переживай. Поставишь на туалетный стол тазик, кувшин с водой...*

– Ну да, как бомжика!

– *Напротив, как маркиза!*

– Заткнись, ящер подкроватный!

– *Ну, не вечно мне под твоей кроватью лежать, это место скоро занято будет.*

– Кем это?

– *Не кем, а чем – ночным горшком.*

– Хвост оторву!

– *А вот так не шути, хозяйка, – предупредил Жан, показывая акульки зубы, – сегодня я нервный, могу и цапнуть ненароком.*

Жанна презрительно фыркнула и лягнула Жана, но дразнить больше не стала.

Освятили весь дом, после чего отца Георгия напоили чаем, и Акоп Спартакович повез его обратно в Лавру.

Вот о чем поведал бы домовой Михрютка бесу Недокопу, будь он в состоянии вести рассказ, но он не мог и двух слов связать. И вообще, он шел прятаться, когда Недокоп за ним увязался. Так вдвоем они и дошли до Лебяжьего пруда, где у Михрютки было присмотрено на всякий случай укывище на чердаке лебединого домика. Напугав и разогнав лебединую семью, с шумом разлетевшуюся по глади пруда, забрались они на чердак, зарылись в сухую солому в самом узком месте под крышей и сразу же уснули: домовой Михрютка – чтобы оправиться от перенесенного потрясения, а ленивый бес Недокоп – просто за компанию.

Снилось Михрютке, что он снова оказался на старом месте работы, в Исаакиевском соборе, и почему-то лежит связанный под маятником Фуко, а маятник с каждым раскачиванием бьет его по боку чугунным шаром – «Бу-ум! Бу-ум!». Михрютка при этом дергался и повизгивал, не просыпаясь.

До самого ужина сестры с помощью Акопа Спартаковича вешали в Красном углу киот, ставили в него иконы, прикрепляли кронштейн с лампадкой. Когда же Красный угол был полностью устроен, Аннушка вынула из своей сумки портрет в деревянной рамке и попросила Акопа Спартаковича повесить его над их с Юлькой кроватью. С портрета на девочек веселыми глазами глядела молодая женщина с пышными русыми волосами.

– Это наша мама, Юленька, – сказала Аннушка.

Юлька запрыгнула на кровать, подошла к стене и долго смотрела на маму, опершись руками на стену. Потом вздохнула и сказала:

– Ладно, пойдем повесим икону в столовой.

А поздно вечером, когда обе улеглись в постель, Юлька попросила:

– Давай потушим свет, и ты мне все расскажешь про нашу маму.

– А свет зачем тушить, если ты еще не собираешься спать?

– Чтобы я могла плакать в темноте, пока ты будешь рассказывать.

– А лампадку оставим?

– Лампадку можно оставить: от нее свет тихий, он мне не мешает.

Аннушка рассказывала сестре о маме: какая она была красивая и веселая, как ее любили дети в обычной школе и в школе воскресной, как они с мамой и бабушкой ездили в паломничество на островок в Псковском озере к удивительному старцу отцу Николаю Гурьянову; как ходили в лес за грибами и ягодами и однажды нашли в лесу зайчонка-сироту, вырастили его, а потом выпустили обратно в лес... Юлька слушала и тихонечко, чтобы не мешать рассказу, плакала.

Глава 2

Аннушка помогала сестре подготовиться к первой исповеди. В Лавре она специально для сестры купила книжечку «Как подростку готовиться к исповеди»; в конце этой полезной книжечки был напечатан «примерный список грехов, наиболее часто совершаемых подростками».

– Ага, это у нас, выходит, образец для подражания, – хихикнула Юлька, но, начав читать, посерьезнела, притихла и скоро погрузилась в пучину покаяния.

– Ужас какой! – шептала она, читая перечень грехов и загибая пальцы, что-то отмечая на полях и снова возвращаясь к началу списка.

Вдруг она подняла голову и заявила трагическим голосом:

– Аннушка, знаешь, что я тебе скажу, сестрица? Я решила на исповедь не ходить.

– Она это серьезно, брат Юлиус? – озабоченно спросил Хранитель Иоанн.

– Очень даже серьезно, слава Богу! – ответил Юлиус, и вид у него при этом был донельзя лучезарный.

– Да ты никак рад? – изумился Ангел Иоанн.

– Конечно, и даже очень рад: это же прекрасно, брат, что Юлия так чистосердечно сокрушается о своих грехах. А на исповедь она пойдет – соберется с силами и пойдет!

– Это почему же ты не хочешь идти к исповеди, Юля? – спросила Аннушка, писавшая что-то в блокнотике.

Юлька сделала большие глаза и прошептала:

– Понимаешь, Ань, я грешна почти во всех грехах!

– У меня тоже грехов хватает, вот смотри, я уже исписала два листка.

– Дай списать! – оживилась Юлька.

– Да ты что, сестричка? Это ж не задача по математике! И задачки списывать нехорошо, а уж это... Ты понимаешь, Юля, ты будешь в своих грехах каяться батюшке, а Господь будет невидимо стоять рядом с вами и все слушать. Разве можно Его обманывать?

– Его обманешь, как же... Не-е, Ань, ты как хочешь, а я на исповедь не могу явиться с таким вот списком!

– Юля, скажи мне честно, ты хочешь от своих грехов избавиться?

– Да как тебе сказать, – покусывая кончик карандаша, задумчиво ответила Юлька. Потом она снова прошлась глазами по списку. – Если честно, то с некоторыми грехами я бы могла преспокойно жить и дальше.

– Например?

– Вот, например, «пристрастие к модной одежде».

– А ты носи модную одежду без всякого пристрастия к ней – вот и не будет греха. Есть – хорошо и спасибо нашему папе, а нет – и не надо. Сможешь так?

– Ну, если потренироваться, может, и смогу.

– Вот и с остальными грехами так же: потренируешься и избавишься с Божьей помощью.

– Но как же я отцу Георгию весь этот список-то зачитаю? Стыдно!

– Юлька! Вот ты всех уличных кошек норовишь перегладить. Представь себе, что ты подхватила от них стригущий лишай, волосы у тебя лезут. Ты что же, от стыда не пойдешь к врачу и будешь лысеющую голову под платочек прятать?

– А в церковь и надо ходить в платочке, сама говорила, ага!

– И в лицей в платочке пойдешь?

– Ну, это уж нет! В общем, с лишаем, конечно, придется пойти к врачам. Но стыдиться-то лысины я все равно буду!

– Вот так и с грехами: стыдись, а к врачу духовному все равно иди, и отец Георгий тебе поможет от греховных лишаев избавиться.

– Красиво говоришь, сестрица! Ладно, уговорила, пойду я на исповедь.

А за ужином девочек ожидала хорошая новость.

– Аннушка, теперь ты можешь звонить бабушке, – сказал Дмитрий Сергеевич. – Она прислала телеграмму с номером своего телефона. Держи! Однако, как они там затянули это дело – целый месяц не могли обыкновенный телефон поставить!

Аннушка обрадовалась, а Юлька ревниво заметила:

– Между прочим, папа, это и моя бабушка!

– Конечно, и твоя тоже, – поспешила ее успокоить Аннушка.

– Тогда дайте же и мне телеграмму почитать!

– На, читай, пожалуйста!

Юлька схватила телеграмму и задушевным голосом пропела:

– «Телефон подключили зпт номер 4 23 15 тчк целую девочек зпт бабушка». Бабушка! – и Юлька звучно поцеловала телеграмму.

– Фу, как негигиенично, Юлька! – скривилась Жанна. – Ты представляешь, через сколько рук прошла эта телеграмма?

– Жанна, а у тебя есть бабушка?

– Нет.

– Ну, так ты ничего в бабушкиных телеграммах не понимаешь! – И Юлька демонстративно еще раз поцеловала телеграмму. – Мы сразу после ужина позвоним, можно, папка?

– Звоните, когда хотите и сколько хотите.

– Аннушка, ты, конечно, захочешь первая с бабушкой говорить? – вдруг жалобно спросила она сестру.

– Я только скажу, что у меня все в порядке, а потом ты, Юля, говори сколько хочешь.

– Спасибо тебе, сестрица!

– Только не забудь сказать бабушке, что это ты заставила меня косу обрезать!

Юлькин восторг сразу утих, и она возмущенно уставилась на Аннушку.

– Что, вот так прямо сразу и сказать? С этого начать знакомство с родной бабушкой?!

– Юля! Ты мне это обещала, когда уговаривала меня волосы резать.

– Да, обещала, было дело... А вдруг бабушка не захочет со мной после этого разговаривать?

– Бабушка все поймет и все простит.

– Ладно, посмотрим, – вздохнула Юлька.

Жанна фыркнула, отставила недопитый чай и вышла из-за стола.

Аннушка и Юлька встали, повернулись лицом к иконе Спасителя, и Аннушка громко прочла благодарственную молитву. Папа тоже встал – он быстро привыкал к православному порядку, и, похоже, порядок этот ему даже нравился.

Телефон у Юльки был со всяческими, как она говорила, «прибамбасами», и Аннушка все эти хитрости еще не успела освоить, поэтому дозваниваясь до Пскова принялась Юлька. Она нажала какую-то кнопку, и гудки стали раздаваться громко, на всю комнату.

Аннушка слушала их, склонив набок голову.

– Что-то долго никто не отвечает, – сказала Юлька. – А вдруг бабушки дома нет?

– Может, она во дворе. Подождем еще.

И вот раздалось громкое, на всю комнату: «Я слушаю!» Мгновенно струсив, Юлька сунула трубку Аннушке.

– Бабушка, это я, Аня. Здравствуй, бабушка!

– Здравствуй, Аннушка. Как хорошо тебя слышно, милая, будто ты рядом.

– Как ты себя чувствуешь, бабушка? Ты здорова?

– Все слава Богу, дорогая, все слава Богу. Ну, рассказывай, как ты там живешь?

– Хорошо живу.

– Папу слушаешься?

– Слушаюсь. Это совсем не трудно, бабушка, он такой добрый!

– Балует он там тебя, наверно, сверх всякой меры?

– Еще как балует, бабушка!

– Вот я ему задам при встрече!

Девочки засмеялись.

– Это там Юленька рядом с тобой смеется? – спросила бабушка. – Дай-ка мне с ней поговорить. Сколько уж лет я ее голосок не слышала!

Юлька ахнула и запрыгала на месте, протягивая обе руки к телефону. Сестра, улыбаясь, передала ей трубку.

– Бабушка, здравствуйте!

– Здравствуй, Юленька!

– Ой, бабушка, я ужасно рада, что у меня теперь есть и Аня, и вы! Это так здорово!

– Мне это очень приятно слышать, детка.

– Бабушка, а вы меня помните?

– Конечно, помню. Только ты не кричи, дорогая, я ведь совсем не глухая и даже еще не очень дряхлая. И говори мне, пожалуйста, «ты».

– И на «ты» можно?!

– Нужно, Юленька! Ведь это ты меня не помнишь, ты совсем маленькая была, когда папа увез тебя в Ленинград, а я-то тебя, проказницу, очень даже хорошо помню.

– А какая я была маленькая?

– Ты была такая юла, что все смеялись: «Ну и имечко подобрали!»

- Ой! А еще что-нибудь про мое счастливое детство?
- У нас тогда был пес Дозор, и ты очень любила спать у него в конуре.
- Класс! Бабушка, а может быть, это была Аня, а не я?
- Ты, ты! Я-то вас никогда не путала. У тебя, между прочим, есть отличительный знак.
- Какой, бабушка?
- На левой лопатке маленькое родимое пятнышко.
- Ань, срочно подними мне сзади майку – есть там что-нибудь?
- Есть, есть! Маленькое пятнышко как раз посередине лопатки.
- левой?
- левой!
- Ура! Бабушка меня помнит!
- Конечно, Юленька, я тебя помню и люблю. Я за тебя молюсь каждый день, а молитвенная память у людей самая крепкая.
- Ясное дело: если каждый день твердить Богу про какого-нибудь человека, так и не захочешь, а запомнишь его... Бабушка! А вот если вы... если ты взаправду меня любишь, то обещай не сердиться за один мой страшный-страшный грех.
- Какой еще такой «страшный-страшный грех»? Что ты там выдумываешь?
- Бабушка, я Аньке косу отрезала!
- Аннушка сделала страшные глаза и отчаянно замотала головой.
- Юленька, нехорошо сестру Анькой звать... погоди, как это косу отрезала? Это еще зачем? Кто решил?
- Так уж получилось. Понимаешь, бабушка, у меня-то волосы короткие, а тут приезжает моя сестра с длиннющей косой! Представляешь, какой ужас?
- Не понимаю, какой ужас! Такая прекрасная была коса...
- Ну как же ты не понимаешь, бабушка? Мы ведь оказались неодинаковые: лицо одно, а прически разные. А тут еще папа пообещал меня выдрать как егорову козу.
- Сидорову, наверно?
- Точно, сидорову!
- А почему это папа собирался тебя выдрать? За дело поди?
- За дело, бабушка, за дело, – успокоила ее Юлька. – Вот тогда мы и решили стать совсем одинаковыми, чтобы папа не мог угадать, кого драть надо. Он запутался и на всякий случай простил обеих. Прости и ты, бабушка, а то ведь я завтра в первый раз на исповедь иду, так пусть у меня хоть на один грех будет меньше, ладно?
- Ладно, проказница, придется тебя простить. Но епитимью наложу на обеих: теперь вы обе забываете, где там у вас ножницы лежат, и обе отращиваете косы. Договорились?
- Договорились, бабушка! – дуэтом закричали девочки.
- Юленька, так ты завтра причащаешься?
- Да, только не завтра, а послезавтра. Так отец Георгий решил.
- Правильно решил, ведь у тебя послезавтра именины.
- Ой, бабушка, ты даже мои именины помнишь!
- Конечно, помню. Ну все, девочки, хватит нам тратить свое время и папины деньги.
- Бабушка, я тебя очень, очень люблю!
- Я тоже очень люблю тебя, Юленька. Нет, ты все-таки ни капельки не изменилась! А теперь дай-ка мне на минутку Аннушку.
- Подожди, подожди, бабушка! Я тебе еще покаяться хочу.
- Ну, покаяйся.
- Знаешь, бабушка, Аннушка меня все время воспитывает, воспитывает – прямо святую из меня хочет сделать!
- Ну, это у нее определенно не получится, не беспокойся. Это и есть твое покаяние?

– Да! А теперь даю тебе Аннушку!

Аннушка взяла трубку.

– Бабушка, это я.

– Аннушка, ты там не переусердствуй, воспитывая Юлю в христианском духе. Не жми на нее очень-то: душа человеческая – дело тонкое.

– Ой, класс! – пискнула Юлька в полном упоении.

– Да нет, бабушка, Юля у нас умная и очень хорошая. Она сама все понимает, когда успевает подумать, – сказала Аннушка, улыбаясь сестре.

– Как же мне на нее хоть одним глазком глянуть хочется... Может быть, когда папа повезет тебя обратно в Псков, он захватит с собой и Юленьку?

Юлька завизжала от восторга.

– Хорошо, бабушка, мы попросим папу взять Юлю в Псков. Слышишь, как она радуется?

– Слышу, слышу. Ну, храни вас Бог, внученьки мои дорогие. Папе поклон от меня передайте.

– Передадим. Храни тебя Господь, бабушка! – сказала Аннушка.

– И твой Ангел Хранитель! – крикнула Юлька в трубку сбоку.

Когда зазвучали короткие сигналы и трубка была положена на место, сестры, не сговариваясь, взлетели на кровать и, взявшись за руки, принялись прыгать, распевая:

– Мы поедem вместе в Псков! Мы поедem вместе в Псков!

Ангелы радовались, глядя на них.

И никто из них не подозревал, что подлый Прыгун, сидя на своем обычном месте на карнизе, весь их разговор с бабушкой подслушал, запомнил и помчался докладывать Михрютке. Ну, а тот, выслушав Прыгуна, тут же побежал с доносом к Жанне и Жану.

– Юльку в Псков пускать нельзя, ее там окончательно испортят, в церковницу превратят, – решила Жанна. – После Пскова она еще и в Келпи не захочет ехать.

– Не пустим Юльку в Псков, – согласился Жан. – А вот от Анны надо бы поскорей избавиться – слишком уж от нее светло в доме. У тебя на этот счет нет никаких идей, хозяйюшка?

– Нет. Нам остается только терпение и смирение...

– Жанна, что ты несешь!

– Успокойся – ПОКАЗНЫЕ терпение и смирение. Скоро отец повезет ее в Псков, а Юльку я отвезу в Ирландию пораньше. И тогда...

– И тогда Мишин окажется целиком в твоих нежных и цепких коготках.

– Ясное дело! А домового надо бы наградить. Эй, Михрютка, ты где там прячешься? Хочешь со мной на дискотеку поехать?

Счастливый Михрютка свалился с потолка и заплясал перед хозяйкой.

– Еще бы не хотеть! В дискотеке музыка грохочет, люди скачут, и все на бесов похожи! Повертишься там – ну будто на исторической родине, в аду побывал!

– Вот и поедешь, оттянешься. Служи только хорошенько, все мне доноси, что услышишь, а награда тебе всегда будет.

– Рад служить, хозяйюшка!

Назавтра отец Георгий встретил Акопа Спартаковича с сестрами в воротах Лавры.

– Вы с Аннушкой идите в храм, – сказал он Акопу Спартаковичу, – а мы с отроковицей Юлией покамест в тенечке побеседуем.

Отец Георгий повел Юльку по дорожке между высоких деревьев, мимо старинных надгробий, подвел к скамейке под большим кленом, там усадил ее и сам сел рядом.

– Ну, Расскажи мне, отроковица Юлия, как ты к исповеди готовилась? – спросил он.

– Сначала мы с Аннушкой долго-долго молились, а потом она дала мне список грехов. Вот я и стала вспоминать все-все-все грехи моей жизни и отмечать в книжечке.

– И много отметила?

Юлька молчала, опустив голову.

Молчал и священник, неспешно перебирая четки.

– Почти все отметила, батюшка, какие в списке были, – прошептала наконец Юлька. – У меня только одного греха нет из этого списка.

– В самом деле? – удивился отец Георгий.

– В одном-единственном грехе я оказалась не грешна! – сокрушенно сказала девочка, подняв на него налитые слезами глаза.

– Не может этого быть!

– Правда, батюшка, – вздохнула Юлька и пустила слезу.

– Ушам своим не верю!

Мимо них по аллейке проходил молодой монашек.

– Брат Евстафий, а поди-ка ты сюда!

Монашек подошел к ним.

– Благословите, батюшка.

Отец Георгий благословил его и спросил:

– Не знаешь ли ты, брат Евстафий, митрополит Петербургский и Ладожский у себя?

– Владыка раннюю служил, а сейчас, надо полагать, у себя в покоях отдыхает.

– Придется потревожить владыку. Поди-ка ты к нему, брат Евстафий, и отрапортуй, что в нашей епархии новая святая объявилась.

– Какая святая, батюшка? – непонимающе заморгал глазами монашек.

– А вот эта самая – отроковица Юлия. И удачно-то как объявилась – завтра Юлию Карфагенскую величаем, а нынче Юлию Крестовскую прославим: в колокола ударим, крестным ходом с нею во главе пройдем!

У Юльки от удивления слезы моментально высохли.

– Ой, вы меня не так поняли, батюшка! – воскликнула она. – Вы подумали, что я только в одном грехе виновата, да? А я виновата во всех, кроме одного!

– Да нет, я все правильно понял. Ты слышишь, брат Евстафий? Сия преподобная отроковица до одиннадцати лет дожила и каким-то одним грехом за всю свою жизнь ни разу не согрешила.

– Не может такого быть, – сказал брат Евстафий, качая головой, – нет такого человека, чтобы даже в одном каком-то грехе за всю жизнь ни разу виноват не был. Не делом – так словом, не словом – так помыслом, а грешны мы все и во всех грехах. Кроме святых, конечно.

– Экий ты непонятливый, брат Евстафий, а я-то тебе про что толкую? Это ты да я во всех до единого грехах виновны, а вот Юлия сумела в каком-то грехе ни разу не провиниться. Святая отроковица, говорю ж тебе! Так что беги-ка ты, братец, поскорей к митрополиту, обрадуй его.

– А можно полюбопытствовать, батюшка, в каком именно грехе сия отроковица ни разу не согрешила? – поинтересовался брат Евстафий.

– Какого греха за тобой нет, праведница ты наша?

– Лжесвидетельства!

– Лжесвидетельства?! Фу... – отец Георгий отер лоб. – Брат Евстафий, ступай себе по своим делам: отменяются колокола и крестный ход, и митрополита тревожить незачем.

Брат Евстафий кивнул и отправился по своим делам.

– В лжесвидетельстве, дорогая моя Юлия, мы все как один виновны. Клевета на ближнего, передача вздорных слухов, сплетни – все это, милая ты моя девочка, и есть грех лжесвидетельства. Не верю я, что ты ни разу в жизни про своих подружек не сплетничала!

– Сплетничала, конечно, батюшка, сколько раз сплетничала... – упала духом Юлька. – Так это что же получается – я во всех грехах грешна?

– Как и я, грешный иерей, как и послушник брат Евстафий. Он ведь тебе ясно разъяснил, что все мы во всех грехах виновны. Вот будешь читать жития святых и узнаешь, как умели каяться святые, как они замечали в себе самомалейший грех и тут же старались его искоренить.

– Разве у них тоже были грехи? Они же святые!

– Вот ты пришла в церковь в синих джинсах и в черной майке, а твоя сестрица надела белое платье. Кстати, ты тоже в следующий раз юбочку вместо брюк надень, как положено православной девочке. А теперь скажи мне, если мимо вас проедет по луже какой-нибудь шофер-грубиян и обдаст вас грязью из-под колес, на чьей одежде будет заметнее грязь, на твоей или на Аннушкиной?

– На Аннушкиной, конечно.

– Вот так и грехи. На отбеленном покаянием и молитвой душевном одеянии святых самомалейший грех был замечен, как пятно мазута на белом платье. И они его тут же замечали и очищали покаянием. Понятно?

– Понятно.

– Вот так, отроковица Юлия. А теперь пойдем в храм, я вас с сестричкой поисповедаю.

После исповеди Акоп Спартакович отвез девочек домой, и они потом целый день ходили как по струнке, стараясь ни в чем не согрешить, чтобы назавтра достойно причаститься. Юлька была само благонравие, что отметила даже Жанна, но, узнав причину, поджала губы и презрительно процедила:

– Какое мракобесие!

За что и получила невидимый щипок от когтей Жана:

– Выбирай выражения, хозяйка! Бесовский мрак-то тут при чем?

Ангел Юлиус до самой ночи не отходил от Юльки ни на шаг, всячески стараясь уберечь свою отроковицу от искушений. На ночь он встал на страже у дверей комнаты сестер. Ангел Иоанн был, конечно, рядом с ним, но он-то был безмятежно спокоен и только радовался: для Ангелов Хранителей каждая исповедь подопечного праздник, а уж причастие так и вовсе именины сердца и пир духовный, как говорили в старину.

Именинным утром Юлька вдруг ни с того ни с сего начала капризничать.

То есть это они с Аннушкой думали, что ни с того ни с сего, а на самом деле это Прыгун ночью как-то исхитрился впрыгнуть через открытое окно в комнату сестер, забрался под Юлькину половину кровати и до самого утра покалывал ее снизу через матрац рогами и шептал-нашептывал... Только когда с рассветом в комнату вошли Ангелы Хранители, Прыгун сиганул из-под кровати в окно и скрылся в саду.

– Я в церковь пойду в джинсах, – вдруг заявила Юлька.

Аннушка ничего на это не ответила, она уже причесывалась.

– Разве Богу так уж важно, как я одета? – вздорным голосом продолжала Юлька. – Ему важно, что у меня в сердце делается! Вот возьму и нарочно надену джинсы с дырками на коленках...

– Надевай что хочешь, только не спорь – не грехи перед причастием.

– Я и не буду спорить, а надену что захочу! – И Юлька потянула из шкафа джинсы с разорванными коленками.

Аннушка нахмурилась, но ничего не сказала.

А Юлька натянула драные джинсы и начала вертеться перед зеркалом.

– А сверху надену еще красную майку с Микки-Маусом! – заявила она, косясь на сестру. Микки-Маус Аннушку доконал.

– Юля, а что ты наденешь на праздничный обед в честь своих именин? – спросила она.

– Белое кружевное платье.

– Чудно! А мне дашь надеть вот эти твои джинсы?

– Ты что, собираешься на мои именины явиться в драных джинсах?

– Если будет не очень жаркий день. А если будет жарко, надену купальник.

– Ты с ума не сошла, Ань? – озабоченно спросила Юлька и даже потрогала Аннушкин лоб.

– Да почему же это я с ума сошла? В жаркий день купальник – самая удобная одежда.

– Но не за праздничным же столом! Я обижусь, если ты явишься в купальнике на мои именины!

– Что для тебя важнее – мой внешний вид или моя любовь? Тебе, Юля, должно быть важно, что у меня в сердце делается. А в сердце у меня сплошная любовь к тебе!

– Твой наряд как раз и должен выражать твою любовь!

– В таком случае я надену свой новый купальник.

– В купальнике на пляж ходят, а не на именины! Никакого рванья и никаких купальников, пожалуйста! Это неприлично!

– Хорошо, тогда я для приличия надену сверху новый халатик.

– Не-е-ет! – закричала Юлька и затопала ногами. – Это неуважение ко мне, к моим гостям и к нашему папе! Он тебе купил столько хорошей одежды, а ты явишься как чучело! Хуже, чем из Пскова приехала!

– А ты чего волнуешься, Юленька? Ты же на Литургию хочешь одеться не как принято одеваться в церковь, а как тебе вздумалось, так? Ну, а я на твои именины оденусь, как мне хочется.

Юлька задумалась.

– Так, сестричка-листочка, с тобой все ясно: опять воспитываешь! А ты забыла, что моя душа – дело тонкое? Вот я бабушке на тебя пожалуюсь! И больше не воспитывай – я и так все поняла.

Аня подошла к Юльке и поцеловала ее.

– Умница!

– Вообще-то надо будет сшить специальные платья для церковной службы и никуда, кроме церкви, их не надевать.

– Хорошая мысль, Юля. Но сейчас надевай поскорей голубое платье, как собиралась. А на твои именины мы с тобой, конечно, наденем наши белые платья и туфельки к ним. Если хочешь, мы еще пришьем на головы по бантику.

– Точно, так и сделаем!

У Юльки взгляд вдруг стал отрешенный, и она начала что-то шептать, глядя на икону Ангела Хранителя.

– Ты что, Юленька, еще помолиться решила?

– Нет, молиться на сегодня хватит. Это я с моим Ангелом советуюсь, не прицепить ли нам бантики прямо сейчас и какой мне выбрать – розовый или желтый?

– Ну, и что тебе советует твой Ангел Хранитель?

– Мне кажется, он советует желтенький.

– Ты, наверно, плохо расслышала. По-моему, он тебе советует надеть на голову платочек.

– *Не перебарщивает моя отроковица?* – нахмурился Ангел Иоанн. – *Она-то привыкла к платочку.*

– *А ты не делай для моей девочки скидок! Пускай и моя будет в храме одета не хуже других,* – сказал Ангел Юлиус. – *До платочка она пока не доросла, тут ты прав, но ты погляди, что она придумала!*

А Юлька придумала накинуть на голову голубой шелковый шарфик.

– *Вот и умница!* – похвалил ее Ангел Иоанн.

Юлиус засиял от его похвалы.

Наконец девочки были готовы, и тут начались неприятности. Уже подошло время ехать в Лавру, как вдруг выяснилось, что куда-то пропал Акоп Спартакович. Юлька с Аннушкой поминутно выглядывали в окна, а его все не было и не было, и мобильный телефон его тоже почему-то не отвечал.

Девочки не знали и знать не могли, что сегодня у Акопа Спартаковича был день Недокопки, и бес суетился как мог, чтобы дезактивировать у подопечного вчерашнюю благодать.

Акоп Спартакович встал в этот день раньше обычного и поехал на автозаправку: он решил залить полный бак бензина, чтобы потом об этом не беспокоиться. Ближайшая заправочная станция оказалась закрытой на ремонт, и он поехал искать другую. Потом у него что-то разладилось в моторе, и он кое-как дотащился до автомастерской, где механик очень долго искал поломку.

Поломку ему устроил Недокоп, покопавшись в моторе, пока машину заправляли.

Свой мобильный телефон Акоп Спартакович почему-то оставил дома, хотя обычно брал его с собой даже в сауну.

– *Известное дело,* – сказал Юлиус Ангелу Иоанну, – *бесы начали опускать свои шлагбаумы перед Юленькой на пути в храм.*

– *Обычные их каверзы!* – грозно нахмурился Иоанн. – *Но мы-то с тобой на что? Летим к Акопусу!*

Они мигом нашли Хранителя Акопуса.

– *Где твой подопечный?* – приступили к нему Ангелы.

– *А его Недокопка как оседлал с полуночи, так до сих пор на нем и ездит где-то,* – пожаловался Ангел Акопус.

Полетели втроем разыскивать Акопа Спартаковича и через несколько минут обнаружили его возле авторемонтной мастерской. Но в каком виде! На плечах у бедняги, сплетя корявые ноги у него под подбородком, сидел сам Недокоп. Вконец обнаглевший бес колотил узловатыми кулаками по макушке подопечного, как по барабану: Акоп Спартакович уже успел

пожаловаться на адскую головную боль механику и даже сходить в ближайшую аптеку. Но аспирин от бесов не помогает, и в голове у него по-прежнему жутко стучало и гудело.

Вокруг Акопа Спартаковича, оседланного поганым Недокопкой, крутились мелкие крестовские бесы, выкрикивая в его адрес нехорошие слова, а еще они курили какие-то вонючие сигареты и пускали дым прямо ему в лицо, и дым этот окончательно замутил мозги бедному Акопу Спартаковичу и заставил его глаза слезиться.

– Это у меня летний грипп начинается, – сокрушенно вздыхал он.

– Вперед! – воскликнул Ангел Иоанн, выхватывая меч и бросаясь на стену смрадного дыма вокруг несчастного Акопа Спартаковича. Ангелы Аконус и Юлиус рванулись за ним. Увидев Ангелов, бесы бросились врассыпную, а Недокоп съехался у него на плечах и замер.

Акоп Спартакович в глубоком унынии нервно расхаживал вокруг прочно вставшего на прикол автомобиля и злился на весь мир. Ему вдруг смутно стало вспоминаться, что он что-то такое обещал сегодня девочкам Мишиным. Он остановился и потер рукой лоб:

– Что ж это такое я им обещал?

Бес Недокоп быстро-быстро стукнул пару раз ему по голове.

– Да ну их, этих девчонок! В конце концов, мне по барабану их капризы, – махнул рукой Акоп Спартакович. – Боже, как болит моя бедная голова!

Недокопка, услышав это почти случайное «Боже», взвизгнул и свалился с плеч Акопа Спартаковича.

Акоп Спартакович опять потер рукой лоб, а потом звонко хлопнул по нему ладонью и помчался в мастерскую.

– Телефон есть? – взволнованно спросил он механика.

– Не-а, – равнодушно ответил тот.

За спиной механика уже приземлился бес Кактус, крупная крестовская ишишка в колючках. Он обнял его панибратски за плечи и что-то начал нашептывать ему в ухо, мерзко при этом хихикая.

– А мобильник?

– У меня есть, а у тебя – не знаю, – ответил механик, заранее давая понять, что ни при каких обстоятельствах пользоваться своим личным мобильным телефоном никому не позволит.

– Так, правильно, – похвалил его Кактус.

Акоп Спартакович молча вынул из бумажника зеленую десятидолларовую бумажку и положил ее перед механиком. Тот сгреб ее не очень чистой рукой и так же молча выложил на стол мобильный телефон.

Кактус взвыл и кольнул механика под правое нижнее ребро.

«Опять печень, – уныло подумал механик. – Все, больше я не пью!»

Кактус плюнул и подкатился к Акону Спартаковичу, протягивая лапу к мобильнику, но тут же получил по лапе мечом, правда, плашмя. Он повернул голову и встретился глазами с Ангелом Иоанном. Бес мгновенно сник, свернулся в колючий шар и укатился через распахнутую дверь в гараж, а там нырнул в ремонтную яму и притаился. Он помнил Хранителя Иоанна и Битву при Сарае!

Акоп Спартакович тут же позвонил девочкам, извинился и предложил им добираться в Лавру на метро.

– Ну наконец-то нашелся! – сказала Юлька, кладя трубку.

Сестры подхватились и помчались бегом в центр острова.

Возле метро они встретили Гулю, Киру и Юрика. Ребята как раз собирались ехать в центр, чтобы купить подарки для Юльки – все трое были приглашены на именины. Услышав, что сестры отправляются в храм на Литургию, они тоже решили ехать с ними.

– Видишь, как Господь все устраивает к лучшему? – сказал Иоанн Юлиусу. – Если бы бесы не задержали Акона, эти дети сегодня не собрались бы идти в Божий храм.

– Да, я рад за друзей наших отроковиц. Давай присмотрим за ними в храме.

Сопровождавшие Юрика, Гулю и Киру личные бесы Нулёк, Брюха и Барби тащились с ними до самой площади Александра Невского. Гнусная троица не стала препятствовать поездке ребят в Лавру, опасаясь конфликтовать с Иоанном и Юлиусом. По дороге бесы еще держались неподалеку, ехали в соседнем вагоне, но, выскочив из метро на площади Александра Невского, так и остались околачиваться на противоположной от Лавры стороне, блуждая между неопрятными киосками со всякой всячиной и с опаской поглядывая на бронзовый памятник святому князю посреди площади. Бесы знали, что князь Александр Невский охраняет город, и на всякий случай осторожничали.

В храме Юлька все делала как Аннушка: ставила свечи перед началом службы, кланялась и крестилась во время Литургии. Она только не пела, когда все люди в храме и Аннушка с ними запели хором. Это было торжественно и красиво, и ей было немножко обидно, что она не поет вместе со всеми.

– Спиши мне слова! – попросила она сестру, когда пение кончилось.

– Они есть в молитвослове, – ответила та шепотом.

А потом Юлька пошла вслед за Аннушкой, и они долго-долго шли за другими людьми, скрестив руки на груди. Юлька очень волновалась, но внимательно следила за сестрой и делала все как она.

– Юлия! – взволнованно и даже, пожалуй, слишком громко сказала она, подойдя к Чаше, и открыла рот.

А потом с нею случилось нечто чудесное. Отец Георгий накануне как будто все объяснил ей про причастие, и ей казалось, что она все поняла. Но когда она проглотила то, что было в золотой ложечке, ей показалось, что изнутри ее охватило теплом, а снаружи – неземным ярким светом, и внутри у нее ликующе запел голос. Это был ее собственный голос, хотя пел он что-то ей неведомое. «Может, это моя душа поет?» – подумала она, замирая от восторга.

– Поздравляю, брат! – сказал растроганный Ангел Иоанн. – В первый раз за столько лет, а так хорошо причастилась Святых Христовых Тайн твоя отроковица.

– Благодарствуй, брат, – прошептал Юлиус и утер счастливую слезу.

Кира, Гуля и Юрик стояли в уголке. Они не кланялись, не крестились и даже не двигались, а только смотрели по сторонам, но церковная служба им понравилась. Они так и сказали сестрам, когда обедня кончилась и все они вышли из храма.

– Это хорошо, что служба вам понравилась, – важно кивнула Юлька. – Жаль только, что вы пока не воцерковились и вам многое еще непонятно.

– Так, гордынька новоначальных появляется, – улыбнулся Ангел Иоанн.

– Сегодня не в счет! – сказал ликующий Ангел Юлиус.

А бесы Барби, Брюха и Нулёк, приглядевшись к своим подопечным, когда те вышли из ворот Лавры, решили сегодня на всякий случай держаться от них подальше. Они даже от метро отказались и отправились на Крестовский остров своим лётом.

За праздничным обедом собрались друзья Юльки и все домашние, кроме Жанны: она извинилась и заранее ушла к себе, сославшись на головную боль. А Дмитрий Сергеевич все еще не догадывался, что ее головную боль зовут Юлианной!

Присутствовали, конечно, и все Ангелы: уже знакомые нам Димитриус, Юлиус, Иоанн и Аконус, а также Павлос – Ангел Хранитель начальника мишинской охраны Павла Ивановича Орлова. А бесы крутились за окнами, даже и не пытаясь проникнуть в дом. Кроме Жана и Михрютки, разумеется: эти, как обычно, ошивались в комнате Жанны – единственном неосвященном помещении мишинского особняка.

Юльке принесли подарки, как на день рождения, и заставили ими весь стол возле именинницы. Аннушка подарила ей маленькую книжечку с крестиком на обложке – детский молитвослов, а папа, который заранее догадался с нею посоветоваться, протянул дочери небольшой футляр. Открыв его, Юлька ахнула и кинулась целовать отца: в футляре лежал серебряный крестик с эмалевыми цветочками. Крестик был с цепочкой, и Юлька сразу же его надела. Акоп Спартакович еще в лавке у Лавры тайком от девочек купил «Евангелие для детей» со множеством ярких картинок и теперь преподнес его имениннице. (Заметим, кстати, что голова у него уже не болела – прошел у него «летний грипп»!) Конечно, Юлька понимала, что Аннушка и Акоп Спартакович подарили ей молитвослов и Евангелие для маленьких, но она не обиделась – надо же было с чего-то начинать!

Зато удивил и обрадовал ее Павел Иванович: он положил перед именинницей солидную книгу в кожаном переплете с золотой надписью «Закон Божий».

– Скоро понадобится! – коротко сказал он.

Кира, Гуля и Юрик не знали толком, что положено дарить в день Ангела, и потому Кира подарила Юльке французский журнал мод, Гуля – роскошный двухэтажный шоколадный набор, а Юрик просто поднес цветы.

В конце обеда Юлька получила еще один подарок: на папин мобильный телефон позвонила бабушка.

– Бабушка, не трать деньги, я тебе сейчас перезвоню! – крикнула Юлька и помчалась наверх, чтобы поговорить с бабушкой по своему телефону. Но, убегая, она все-таки сделала Аннушке знак следовать за нею.

Первым делом бабушка поздравила Юльку с днем Ангела и с причастием.

– Бабушка, когда я была маленькая, я ведь тоже причащалась? А кто меня в церковь водил? Расскажи мне, как это все было!

Юлька не включила громкую связь, и Аннушка не слышала, что именно ей рассказывала бабушка, она только видела, как Юлька слушает и восторженно улыбается.

– И я не пугалась, не плакала? Совсем-совсем никогда? Сегодня один маленький мальчик жутко ревел, когда его несли к причастию.

И бабушка что-то ей там рассказывала, а Юлька все задавала и задавала вопросы, и было видно, что ей ужасно не хочется расставаться с бабушкой и вешать трубку. Наконец она вздохнула и протянула трубку Аннушке.

– На! Бабушка хочет с тобой поговорить.

Бабушка и Аннушку поздравила с причастием и сказала, что очень по ней соскучилась и считает дни до ее приезда.

Юлька вернулась к столу в самом лучезарном настроении и передала папе привет от бабушки.

– Пап, а можно мы теперь возьмем кое-что со стола и устроим пикник на нашем острове?

– Можете отправляться на свой необитаемый остров, только возвращайтесь засветло. Но лодку резиновую я вам не дам, я сам вечером собираюсь на заливе порыбачить.

– У-у-у!

– От «У-у-у» и слышу.

– Папочка, какой же ты у нас противный!

– Юлечка, не хами.

– А как же нам все для пикника перевезти на остров, если ты не даешь лодку?

– Возьмите надувной матрасик у Жанны, на нем все и доставите на свой Пятачок.

– Папочка, какой же ты у нас умный! – сказала Аннушка, желая загладить Юлькину дерзость.

– Спасибо, дочка, ты одна меня ценишь. Остальные только и смотрят, как бы заставить плясать под свою дудку.

– И не все, а только мы с Жанной! – возразила Юлька. – И у меня это получается, а ей только кажется, что ты под ее музыку танцуешь.

– Вот я передам твои слова Жанне! Она обидится и не даст вам свой матрасик и не повезет тебя в Ирландию.

– Ха! А я как раз и не хочу в Ирландию, я хочу в Псков. Это Жанна рвется в Келпи, это у нее там подружка. Между прочим, папка, хорошо бы и Аннушку в эту школу устроить.

– А что, Аннушка, может, тебе и вправду лететь в Ирландию вместе с Юлькой? Ты бы там за ней присмотрела...

– Мне, папа, надо за бабушкой присматривать, пусть лучше Юля со мной в Псков едет.

– А что? Это идея! – встрепелась Юлька. – Папка, ты как на это смотришь?

– Ну вот еще что выдумали! Это будет непомерная нагрузка для бабушки – заполнить тебя в придачу к Аннушке.

– А чем это я плохая нагрузка?

– Ты слишком хорошая нагрузка – это-то меня и беспокоит.

– Тогда я поеду вместе с тобой отвозить Аннушку в Псков!

– Не поедешь.

– А я хочу! И бабушка хочет, чтобы я приехала!

– Как-нибудь в другой раз. Сейчас тебе, Юлька, надо как следует подготовиться к поездке в Келпи. Жанна говорит, что вы с нею должны еще по магазинам поездить, одежду для Келпи купить.

– Да у меня от одежды шкаф ломится! И вечно эта Жанна вмешивается...

– Юлия!

– Ладно, молчу. Я всегда должна молчать, когда дело касается Жанны. Скоро в этом доме житья от мачех не станет...

– Юлианна! – Голос папы стал по-настоящему строг. – Ты твердо намерена испортить свои именины?

– Могу же я погоревать? Мне предстоит целый учебный год быть в разлуке с тобой и с моей самой любимой сестрой!

– Сестра у тебя единственная – она никак не может быть «самой любимой сестрой», а со мной ты все равно будешь в разлуке до самого Нового года: я все это время буду разъезжать по свету, налаживать новые заграничные контакты. Ну, а на зимние каникулы, я думаю, мы все соберемся здесь, дома.

– До каникул еще доучиться надо! Пап, ну возьми меня с собой, когда повезешь Аннушку в Псков, а? Я стану по дороге с Аннушкой английским языком заниматься.

– Она и без тебя прекрасно занимается английским. Акопчик говорит, что она за это лето здорово продвинулась.

– Я только с бабушкой познакомлюсь и сразу назад, папочка!

– Юлька, не расстраивай меня и себя, вопрос уже решен.

– Ну па-ап!

– Я сказал: нет! Всё, Юлианны, всё! Отправляйтесь на свой пикник, а мне еще надо до вечера успеть поработать.

На речке Крестовке есть два островка: один побольше, и с него на соседний Каменный остров перекинут мостик, а другой совсем крохотный, круглый, и попасть на него можно зимой по льду, а летом только вплавь. Юлька с друзьями «открыли» его давным-давно. На островке ничего не росло, кроме травы, бурьяна и редких кустиков, но у него было громадное преимущество перед всеми невскими островами – он был необитаем. Как только Аннушка под руководством Юльки научилась плавать, друзья стали брать ее с собой на Пятачок – так они называли свой островок. На Пятачке можно было спокойно говорить о своих делах, не боясь, что кто-то тебя услышит.

Путь на необитаемый остров шел через Таинственный остров: так горожане прозвали Каменный остров за роскошные дачи партийных боссов в прошлом и за бандитское гнездовье, возникшее тут в бурных девяностых годах, – в общем, тот еще был островок! Сначала ребята перешли на него по Мало-Крестовскому мосту, миновали самую красивую на острове и самую охраняемую Голубую дачу, дошли почти до заросшего ряской канала и тут перешли с Каменного острова на больший из двух островков по узкому пешеходному мостику. Там они погрузили сумки на надувной матрасик и, толкая его перед собой, вплавь перебрались на свой Пятачок.

На островке в кустах у ребят был вырыт тайничок, а в нем лежали некоторые необходимые на необитаемом острове вещи: небольшой запас топлива, зажигалка в пластиковом пакете, постоянно обновляемый запас кока-колы, Кирина сумочка с косметикой и Гулина жестяная коробка с конфетами. Хотя после именинного застолья никто, даже Гуля, голодным не был, друзья все равно развели костерок и стали жарить на прутиках сосиски – что за пикник без угощения? Они поели-попили и улеглись вокруг догорающего костра на травке.

Юлька принялась жаловаться:

– Скоро папа с Аннушкой поедут к бабушке. Я тоже хочу ехать в Псков! А эта противная Жанна говорит, что надо готовиться к школе...

– Ты еще совсем недавно была в восторге от своей красавицы мачехи, – заметила Кира.

– Ну, в общем-то она ничего, только много на себя берет. А папа уж слишком часто делает так, как хочет Жанна.

– погоди, вот они пожениятся, так он у нее и вовсе под каблучком окажется! – пообещала Кира.

– Так ты вместе с Жанной летишь в Англию? – спросил Юрик, уводя девочек от опасной темы: ему нравился Мишин и не нравились сплетни.

– В Ирландию, – поправила Юлька. – Правда, сначала мы летим в Лондон, а уже оттуда в Дублин. Но от Дублина до школы Келпи надо еще добираться на машине.

- А тебя уже приняли в эту школу? – спросил Юрик.
- Конечно! У Жанны там подруга преподает что-то вроде медицины.
- Так это что, какая-то особая медицинская школа?
- Нет, но в Келпи преподают такие предметы, которых в других школах нет. Они послужат хорошей стартовой платформой на будущее. Так Жанна говорит.
- Например? – поинтересовался Юрик.
- Например, психоуправление.
- Это что, психотренинг какой-нибудь?
- Да нет, психотренинг – это когда ты учишься собой управлять, а психоуправление – это когда ты управляешь другими.
- Ух ты! Это гипноз, что ли?
- Пока не знаю. Вот приеду на зимние каникулы и расскажу
- Я и не знала, что бывают такие школьные предметы! – удивилась Аннушка.
- Это ведь особая школа для девочек с большими духовными дарованиями, – скромно сказала Юлька.
- Непонятки какие-то, – зевнула Гуля. – Чего только эти взрослые не выдумают, чтобы мучить детей и забивать им голову! У нас от одной информатики завянуть можно.
- Как же, завянешь ты, – усмехнулась Кира. – Даже не похудеешь, хоть двойками тебя завали!
- Это зачем же мне худеть? – удивилась Гуля, доставая из потухшего костра последнюю сосиску. – Русская красавица должна быть статной и величавой.
- Это ты-то у нас величавая? – с усмешкой спросила Кира. – Ты ленивая и толстая, а не величавая.
- Я думаю, это как бы синонимы, – невозмутимо парировала Гуля, хрустя поджаристой корочкой сосиски. – Вот ты, Кира, воображаешь, что у тебя конкретно хорошая фигура, а ведь у тебя ее, фигуры-то, как бы нет ни спереди, ни сзади.
- Такой вид и должен быть у топ-модели, она должна быть сплошная стройность и грация.
- Ага, вид у тебя стройный, но уж очень голодный. Хочешь конфетку? – Гуля достала из общего тайника свою личную коробочку, потрясла ее, открыла и стала выбирать конфету.
- Кира отвела глаза и сглотнула слюну.
- Спасибо, не хочу!
- Удели мне конфетку, величавая, – попросил Юрик и протянул руку.
- Ща! Перебьешься, – ответила Гуля и, бросив конфету в рот, закрыла коробочку. – Тут для меня одной мало. Пора запас обновлять.
- А вот Жанна почему-то ест все подряд и совершенно не толстеет, – заметила Юлька. – Она знает секрет, как сохранять фигуру без всяких страданий.
- Жанна вообще классная женщина, – сказала Кира. – И красивая, и умеет себя подать, а умная какая! Значит, как я понимаю, Аннушка возвращается в Псков, ты отправляешься за границу, а Жанна остается в доме полной хозяйкой?
- Ну да.
- Вот тут-то она вашего отца и окрутит окончательно.
- Без нас не окрутит! Во-первых, наш папа сам уезжает за границу по делам бизнеса, а во-вторых, он не станет жениться без нас: что это за свадьба без родных дочерей? Верно, Аннушка?
- Сестра только вздохнула в ответ.
- А ты чего нахмурилась, Аннушка? – спросил ее Юрик. – Тебе не нравится Жанна?
- Странная она какая-то... Я ее не понимаю. Меня она точно не любит и с первого дня невзлюбила, а вот любит ли она Юлю?

– Нужна мне ее любовь! – фыркнула Юлька. – Главное, чтобы она считалась со мной. С нами, то есть, ведь теперь нас двое. А любит она только себя и нашего папку. Или ты, сестричка, и в этом сомневаешься?

– Да нет. Разве нашего папу можно не любить? А все равно она странная.

– Она интересная, – сказала Кира, – а это для женщины главное.

Аннушка вдруг вспомнила, как бабушка, когда папа приезжал к ним в Псков и показывал фотографию Жанны, произнесла именно эти слова – «интересная женщина». Она тогда сразу поняла, что бабушке папина невеста не понравилась. Но сейчас Аннушка, как и тогда, промолчала. Из своего рюкзака она вынула учебник английской грамматики, раскрыла его и стала читать.

– Не пойму я тебя, Юлька, – вдруг сказала Кира, – ты как будто не очень-то и рада, что едешь учиться за границу.

– А я совсем не рада! – буркнула Юлька.

– Чего же ты, в натуре, хочешь? – спросила Гуля.

– Я хочу к бабушке!

– Ты чо, хочешь как бы ехать в Псков вместо Ирландии?

– Ну да...

– Нет, в Ирландию тебе ехать придется, – сказала Кира. – Твой отец, наверно, огромные деньги заплатил за эту школу.

– Подумаешь, деньги! Не в деньгах счастье!

– Ну, это как сказа-а-ть! – протянула Кира, мечтательно глядя на чей-то роскошный особняк на берегу Каменного острова.

Юлька глубоко задумалась, опустив голову на траву. Притихли и ребята.

Теперь, пока все пятеро находятся в молчаливой задумчивости, можно на некоторое время отвлечься от них и разъяснить духовную обстановку вокруг Пятачка.

Ангелы Хранители Иоанн и Юлиус парили над островком на довольно большой высоте. Вокруг Пятачка все было спокойно, и они, поглядывая сверху на своих девочек, вели неспешную беседу о чем-то своем, о небесном. Они видели внизу бесов, крутившихся вокруг «своих» подростков, приглядывали за ними вполглаза, но знали, что эта мелочь бесовская не опасна. Тем более сегодня, когда обе сестры причастились Святых Христовых Тайн.

Остров Пятачок был насытан искусственно и окружен невысоким каменным барьером; вот на этом барьере и уселись рядом бесы Нулёк, Прыгун, Барби и Брюха. Они внимательно слушали, вернее, подслушивали разговор ребят, – Прыгун по приказу Жана, а остальные просто так, из природной вредности: мало ли какую пакостную пользу можно будет извлечь из подслушанных разговоров?

– Я все думаю-думаю, как быть, у меня даже голову сводит от мыслей, – пожаловалась Юлька.

– Ты бы помолилась своему Ангелу Хранителю, посоветовалась с ним! – с улыбкой сказал Юрик. – Он что, больше тебе не помогает?

– Еще как помогает! Это лето – лучшие в моей жизни каникулы. Спасибо тебе за это, Ангел мой! – сказала Юлька, поворачиваясь на спину и глядя в небо.

– *Пожалуйста, Юленька, – ответил сверху Юлиус, на миг прервав беседу с Иоанном.*

– Только теперь он почему-то молчит и ничего мне не подсказывает, – вздохнула Юлька.

– Как это не подсказываю? – удивился Юлиус. – Я ей все время твержу, что ехать в Келли не надо. Разве не поэтому, Юленька, тебе так хочется к бабушке? Это ты меня плохо слушаешь, отроковица ты моя непослушная.

– В эту школу для маленьких ведьм ехать твоей Юлии никак невозможно, – согласился Иоанн. – Не место это для православной девочки.

– Вот и я о том же. Ты заметь, заметь, брат, как Юленька внутренне сопротивляется этой поездке, прямо извелась вся! Чует ведь ее православная душенька, что с этой школой что-то не так! Только вот жаль, никак она не может сосредоточиться и понять, почему я стараюсь отговорить ее от Келли: она ведь думает, что все дело только в бабушке.

– Может, как-нибудь выищить Мишину отменить ее учебу за границей? Ты Димитриуса просил об этом?

– Конечно, просил! Но там Жан через Жанну блокирует все его усилия.

– Еще бы! Жан тоже хочет завладеть состоянием Мишина и вместе с Жанной открыть первый в России лицей для юных ведьм. Сейчас, считает он, самое время, ведь столько детей без ума от колдовства.

– Что есть, то есть.

Юлька вдруг села с решительным видом.

– А знаете, мне кажется, я чувствую, что мой Ангел тоже хочет, чтобы я ехала к бабушке!

– Верно, верно, Юленька! – согласился сверху Юлиус.

– Ты погоди ликовать-то, – остановил его Иоанн. – Что-то у нее глазенки как-то подозрительно заблестели. Или ты не видишь, брат?

– Вижу, ой вижу! А ну, пикируем!

И Ангелы понеслись вниз, чтобы быть поближе к неожиданной отроковице. Миг – и они оказались над островком, а бесы слетели с барьера от вихря, поднятого Ангельскими крыльями, кувыркнулись в воду и понеслись к берегу. И это вышло очень кстати, потому что иначе бесы оказались бы в курсе новой Юлькиной затеи, а так о ней узнали только Ангелы Хранители.

– Кажется, я знаю, какой выход подсказывает мне мой Ангел! Потрясающий выход!

– Ой! – испугался Юлиус.

– Интересно, что ж это ты такое ей подсказываешь? – поддразнил его Иоанн.

– Он мне подсказывает, что мы с тобой, Аннушка, должны поменяться местами: я поеду в Псков к нашей бабушке, а ты вместо меня отправишься учиться за границу!

Ангелы переглянулись и стали слушать дальше.

– Глупости! – решительно возразила Аннушка. – Бабушка сразу же поймет, что это не я, а ты – это раз, и я совсем не хочу ехать учиться в какую-то заграничную школу – это два.

– А что? Неплохо придумано! – сказала Кира. – И ты, Анна, будешь большая дура, если упустишь возможность поехать учиться в Ирландию вместо Пскова. Обалдеть, как везет некоторым!

– Не надо мне такого везенья! Я не собираюсь папу, бабушку и вообще всех на свете обманывать!

– А разве мы с тобой постоянно не разыгрываем папу, когда он не знает, где у него кто? Разве не поэтому он зовет нас Юлианнами?

– Ты, сестрица, не путай шутки с обманом!
– А тебе, Аннушка, разве не хочется увидеть чужие страны, других людей? – спросил Юрик.

– Хочется, конечно, но не таким способом.

– Все средства хороши в достижении цели, – глубокомысленно произнес Юрик. – Я бы на твоём месте не стал дожидаться, пока ваш отец догадается, что пора и тебе предоставить равные с сестрой стартовые возможности. Я думаю, ты просто обязана воспользоваться случаем и отправился учиться в эту самую школу Келпи. Проучишься до зимних каникул, а на каникулы приедешь назад, и вы снова разменяетесь. И никто ничего не узнает. А Юлька пускай поживёт у своей провинциальной бабушки.

– Бабушка у нас вовсе не провинциальная! – возмутилась Юлька. – Она преподавала в школе немецкий язык!

– Вот ты и поедешь учить немецкий, а тем временем Аннушка в Келпи как следует овладеет английским. У тебя, кстати, Аннушка, ужасное произношение! Извини.

– Ты прав, Юрик, с английским у меня неважно.

– Ага, ты согласна, ты уже почти согласна! – закричала Юлька и бросилась обнимать сестру.

– Нет! – Аннушка отстранилась. – Я сама еду к бабушке, и это мое последнее слово!

– Ну, конечно, ведь ты всю нашу жизнь росла рядом с бабушкой, и ты считаешь, что имеешь на нее монопольное право! – В голосе Юльки зазвенели слезы. – И маму, нашу маму ты знала и любила! Ты все свое детство пробыла с нею, а я ее даже не помню!

– *Запрещенный прием, – заметил Иоанн. – На жалость бьет твоя отроковица.*

– *Так ведь она права, братец Иоанн! Легко ли было девочке без женской ласки расти, сам подумай?*

– *Вечно ты ее защищаешь, брат Юлиус!*

– *Я по должности ее защищать должен, я Хранителем к ней приставлен.*

– *Ну-ну. Не хватало только и нам с тобой начать спорить.*

– *Что ты, что ты, брат! – испугался Юлиус. – Ты меня прости, это я так... Уж очень мне хочется, чтобы и Юлия к бабушке Насте отправилась вместе с Аннушкой.*

– *Прости и ты меня за неосторожное слово, брат.*

– Я тебя понимаю, Юленька, и мне жаль, что ты совсем не знала нашей мамы. Честное слово, мне очень тебя жаль. Но ведь тут ничего нельзя поделать... – И Аннушка вдруг горько заплакала. Она заплакала раньше, чем это собиралась сделать сама Юлька. Та не ожидала такого поворота и тут же зарыдала в голос, снова валясь на землю.

– Жуть как трогательно, в натуре, – сказала Гуля, отправляя в рот конфетку. Потом вдруг губы ее скривились корытом, и она заплакала гораздо громче сестер.

– Ну а ты-то чего реवेशь, как испорченная сигнализация? – спросил ее вконец расстроенный Юрик. – Кончились у детки конфетки?

– Ща! Нет, я вспомнила, как сама прямо в один час осталась сразу без отца и без матери. Родители Гули погибли в катастрофе, и ее воспитывали дедушка с бабушкой.

– Прости, Гуля, я не подумал.

– Да ладно... Вы все думаете, что если я толстая, так и бесчувственная как пень. Толстые тоже плачут!

– Ну прости меня, дурака! Хочешь шоколадку?

– А у тебя есть? – Гуля взглянула на Юрика искоса, но с интересом.

– Нету. Я просто хотел узнать, хочется ли тебе сейчас шоколаду.

– Всегда хочется, на то он и шоколад, – вздохнула Гуля. Но плакать перестала – какие уж могут быть слезы после такого признания.

Кира мрачно глядела вдаль, швыряя в воду мелкие камешки. Потом она сказала тихо, ни к кому не обращаясь:

– Чуть какая-то. Сидят две девицы Мишины и в голос рыдают из-за того, что обе не хотят ехать учиться за границу. А тут способный и одаренный подросток, почти девушка, можно сказать, должна прозябать в обычном лицее в Санкт-Петербурге. Какая жестокая несправедливость! Да чего там хорошего-то, в этом Пскове?

– Там бабушка! – в один голос сказали сестры. Теперь они обнялись и плакали уже вместе, плакали тихо, а это значит – плакали по-настоящему горько. Остальные сидели молча, не зная, чем их утешить.

Молчали и Ангелы, с жалостью и тревогой глядя на своих подопечных.

А бесы молчали, потому что издали, с берега, им было никак не разобрать, о чем там идет разговор на Пятачке, хотя они и догадывались, что происходит там что-то необычное.

Но дальше случилось нечто уж совсем неожиданное. Аннушка достала из кармашка носовой платок, утерла сначала свое лицо, а потом принялась вытирать лицо Юльке, приговаривая:

– Не плачь, сестренка, не надо. Мы что-нибудь придумаем.

– Ни мамы у меня не было, ни бабушки не будет! – пожаловалась Юлька сестре.

– Будет, будет тебе бабушка, только не плачь. Ладно уж, поеду я вместо тебя в эту самую Ирландию. Ты только не расстраивайся так, а то у меня прямо сердце разрывается. У тебя же сегодня день Ангела!

Юлька еще крепче обняла сестру и еще сильнее заплакала – теперь уже от радости, а следом за ней снова прослезилась и Аннушка. А Гуля, естественно, поддержала их своим задушевным басом. Юрий пошарил в карманах, но платка не нашел.

– Я сколько раз говорил, что надо держать на нашем острове запас бумажных салфеток, – сказал он Кире. – У тебя есть платок?

Но Кира не ответила, продолжая сердито швырять в воду мелкие камешки.

Ангелы тоже молчали. Они, честно говоря, растерялись.

Когда вечером сестры улеглись, Юлька сказала:

– День Ангела мне понравился даже больше, чем день рождения.

– Вот и правильно. Рождаются ведь и котята, а крестятся только люди.

– Крещение⁹ этим отличает нас от животных?

– И от язычников, и от тех, кто не верит в Христа Спасителя.

– Ясно. Значи, день Ангела – это мой личный христианский праздник. Буду гордиться!

– Лучше спи!

– Сейчас усну, сейчас... А знаешь, Аннушка, кто мне сегодня сделал самый лучший подарок?

– Кто?

– Ты! Подумать только, я скоро увижу нашу бабушку. Какое счастье!

---

⁹ **Таинство Крещения** – первое и наравне с Таинством Евхаристии, или Причастием важнейшее из Таинств, установленное Самим Господом нашим Иисусом Христом. Крещение есть Таинство, в котором человек, родившийся с наследственным первородным грехом, но уверовавший во Христа, при троекратном погружении его тела в воду с призыванием Бога Отца и Сына и Святого Духа умирает для жизни плотской и греховной и возрождается Духом Святым в жизнь духовную. Он становится сыном Божиим и наследником Царствия Небесного. В этом Таинстве действие благодати Божией на крещаемого состоит прежде всего в оправдании или очищении его от грехов, как от первородного, так и от всех личных, содеянных до крещения. (См.: Прот. Н. Малиновский. Очерк Православного Догматического Богословия. М., 2003. С. 143–145.)

Аннушка в ответ только вздохнула.

– А еще я увижу дом, в котором жила наша мама, увижу все ее фотографии, ее вещи, может быть, с ее учениками познакомлюсь... Но первым делом я схожу к ней на могилку и отнесу ей цветы.

Аннушка обняла сестру.

– Так все и будет, Юленька.

Поцеловав и перекрестив на ночь сестер, Ангелы Хранители Иоанн и Юлиус оставили их под присмотром Димитриуса, Аконуса и Павлоса, а сами полетели на очень важную встречу в центр города.

Петрус, могучий и прекрасный Ангел Хранитель Санкт-Петербурга, уже поджидал их на балюстраде Исаакиевского собора в окружении бронзовых Ангелов Хранителей.

– Приветствую вас, братия!

– Благослови, Градохранитель!

– С чем пожаловали, Хранители?

– Беда у нас!

И они поведали Петрусу о своей беде.

– Да, задали вам задачку сестрички! И чего же вы ждете от меня, какой помощи?

– Мы совета просим, – сказал Юлиус. – Как бы нам заставить их отказаться от этой опасной затеи?

– Заставить? Я не ослышался? Вы хотите людей, созданных Господом свободными, пусть даже отроковиц неразумных, заставить поступить против их воли? – Голос Петруса стал строг и даже грозен. – Такой власти нет у вас от Бога, братья-Хранители! Ваше дело сестричек охранять, подсказывать, утешать, спасать – но никогда не действовать против их воли! Да вы и сами это знаете. Сумеете подсказать, уговорить – их счастье и ваша заслуга. Но свободы принимать решения вы у них отнять не можете. Это только бесы стремятся подчинить себе человека против его воли.

– Да мы же по-отцовски за них тревожимся...

– У отцов есть власть ограничивать волю своих детей, а у вас такой власти нет! Вразумлять и направлять любовью, тихим шепотом в сердце – вот ваше право! Им и пользуйтесь.

Ангелы опустили головы.

– Сколько времени у вас осталось?

– Двадцатого августа отец собирается везти Аннушку обратно к бабушке, – сказал Иоанн, – но если вместо нее поедет Юлия, то моей бедняжке уже тридцатого придется лететь в Келли.

– В Келли... Слышал я про это старинное колдовское гнездо, про эту школу для маленьких ведьм. Да, это и в самом деле большая беда. – Петрус глубоко задумался.

Ангелы молчали, глядя на него с ожиданием и надеждой. Потом Градохранитель сказал:

– Вот что, братия, возвестите от меня Ангелу Димитриусу: пусть попытается внушить своему Мите благую мысль отменить поездку отроковицы Юлии в эту самую школу. Может, он сумеет... А сами твердите сестричкам день и ночь, что нехорошо обманывать отца и бабушку. Но если вам, братия, не удастся ничего сделать, тогда уж, прости, Хранитель Иоанн, лучше пусть в Келли летит твоя подопечная. Она в вере крепка, она духом сильна, и я думаю, что ее ведьмы тамошние не одолеют. А вернувшись из Келли на зимние каникулы, она расскажет отцу, что это за школа такая, и он ее больше туда не пошлет. А вот за отроковицу Юлию я бы не поручился.

– Моя Юленька не глупее сестры, и смелости ей не занимать... – начал было Ангел Юлиус, но Градохранитель остановил его легким взмахом руки.

– Нам доподлинно вестимо, Юлиус, как ты свою отроковицу любишь. Но и тебе, и нам неведомо, что с нею будет, если она попадет в колдовскую школу. Современные дети так падки на магические приманки! А еще поразмысли, разве ей не полезно провести какое-то время с бабушкой Настей?

– Это верно, – согласился Ангел Юлиус.

– Когда у бабушки Переход?

– Ее Хранитель Анастасий говорил, что Переход намечен на весну.

– Получается, что Юлия напоследок перед тем поухаживает за умирающей бабушкой, получит от нее последние духовные наставления, – задумчиво проговорил Юлиус.

– Да ведь моя-то Аннушка как горевать будет, если не простится с бабушкой! – воскликнул Иоанн.

– Почему не простится? На зимние каникулы твоя Аннушка придет к отцу и все ему про Келли расскажет, и он, надо думать, больше никого из сестер туда не отпустит. Вот твоя Аннушка и вернется в Псков.

– Может, он тогда и Жанну прогонит? – с робкой надеждой спросил Юлиус.

– Ну, это сомнительно, – сказал Петрус. – Вашу Жанну каленой молитвой из дома выжигать надо, а вот ее-то у Дмитрия Мишина пока и нет. В будущем разве что появится, ну да не будем вперед забежать... Еще вот что я тебе, Иоанн, советую: ты в оставшееся время займись-ка с отроковицей Анной английским языком, а то с ее познаниями ей в Келли трудно будет, запутают ее.

– Хорошо, я займусь, Петрус, коли уж никак нам с ней от этой поездки не избавиться.

– Да ты не опасайся, я с тобой всегда на связи буду и помогу если что.

– Ну, если так, то благослови...

– Господь да благословит тебя, Ангел Иоанн, пройти с отроковицей Анной грядущие испытания и неведомо и благополучно возвратиться домой.

– Аминь, – сказали Хранители.

– Ну, и тебе, Юлиус, счастливого путешествия в Псков с отроковицей Юлией. Присматривай там, чтобы она не капризничала и бабушку не огорчала.

– Буду стараться изо всех сил. Да у нее сердечко-то умное...

– Сердце умное, да язычок дурачок!

Ангел Юлиус виновато склонил голову.

– Ладно, не скорби. Ей как раз полезно походить за больной бабушкой: нету лучшей духовной школы для юной души, чем дела милосердия.

– Вестимо, – согласился Ангел.

Иоанн и Юлиус простились с Градохранителем, взлетели с купола и полетели на северо-запад.

– А все-таки славные у них девочки, – сказал Градохранитель Петрус, задумчиво глядя им вслед.

Глава 3

Жанна собиралась повезти Аннушку на такси осматривать Лондон, съездить на Бейкер-стрит, где согласно туристической рекламе журнала «Домовой» находился музей-квартира Шерлока Холмса, а самой ей хотелось взглянуть на королевский дворец. Но в самолете у Жанны настолько испортилось настроение, что, когда они приземлились в аэропорту Хитроу, она забыла про все достопримечательности и заявила, что они первым же самолетом летят в Дублин. Аннушка не спорила. Она вообще ничего не говорила, а только плакала, приводя этим Жанну в негодование, доходящее до ярости.

– Юлия! Ты можешь вести себя прилично на публике? – шипела она.

Но Аннушка ничего не отвечала и только всхлипывала. А дело было в том, что во время полета она узнала ужасную новость.

Как только самолет поднялся в воздух, Жанна принялась вслух мечтать о том, что их ожидает в Лондоне. Аннушка сидела у окна и любовалась облаками под крылом самолета. Жанна, не переставая болтать, листала иллюстрированный журнал, который ей принесла стюардесса, и Аннушка ее почти не слушала. И вдруг Жанна спросила:

– Ну что, ты уже больше не скучаешь по своей сестре?

– Скучаю. Жаль, что мы не можем вместе жить и учиться.

– К сожалению, скоро придется, – вздохнула Жанна.

– Что придется? – не поняла Аннушка.

– Придется Мишину забирать Анну в Петербург насовсем. Скоро псковская бабушка помрет, так что надо будет решать судьбу твоей сестры.

– Почему это наша бабушка вдруг помрет? Она совсем не старая и не болеет! – возмутилась Аннушка.

– А я тебе говорю – помрет, – убежденно и равнодушно проговорила Жанна, листая свой журнал.

– Да почему же это она вдруг помрет?!

– Да потому, что у бабушки рак в последней стадии, и долго она не протянет.

Аннушка так и ахнула.

– А папа об этом знает?

– Знает, конечно, иначе откуда бы я узнала? Она сама об этом Мишину написала и просила позаботиться об Анне.

Тут Жанна соврала: не от самого Мишина она узнала о болезни Анастасии Николаевны, а из выкраденного Жаном письма, которое бабушка еще в начале лета написала Дмитрию Сергеевичу.

– Поэтому Мишин и притащил твою сестричку в Петербург, чтобы она привыкала к будущему дому, – пояснила Жанна.

– Почему мне об этом никто ничего не говорил?

– Мишин не велел.

Аннушка заплакала, а потом сказала:

– Жанна, пожалуйста, давай, как только прилетим в Лондон, купим обратные билеты и вернемся в Петербург. Я хочу в Псков, к бабушке!

– Не выдумывай! Да и какое тебе дело до какой-то псковской старухи? О себе думай, дорогая. Ты едешь учиться в лучшую и самую дорогую школу для девочек!

– Но если бабушка...

– Всё! Не желаю больше ничего слушать про эту псковскую бабушку! – резко оборвала ее Жанна. – Замолчи, пожалуйста, и перестань причитать. Ты мне мешаешь читать журнал и беспокоишь других пассажиров. Смотри, на тебя уже люди смотрят!

Аннушка отвернулась, уткнулась в окно и заплакала.

– Ну, с меня хватит! – прошипела Жанна, увидела впереди свободное место и пересела туда. И журнал с собой прихватила, конечно.

Ангел Иоанн летел рядом с авиалайнером, держась за обледенелое крыло, смотрел сквозь подернутое инеем окно на Аннушку и шептал ей слова утешения:

– Бабушка не умрет, Аннушка! Бабушка просто откроет дверь и войдет в другую жизнь. Молодая и здоровая, побежит она вот по таким облакам прямо к Господу в Его объятия! – говорил Иоанн. А сам тоже плакал, и слезы, срываясь с его ресниц, мгновенно замерзали и стучали по дюралевой обшивке самолетного крыла.

Никогда и никому Аннушка не рассказывала потом, о чем она думала и плакала, глядя на снежные поля облаков, но к концу полета она решила, что устраивать скандал и требовать возвращения в Петербург она не станет ради сестры. Она, Аннушка, всю жизнь прожила рядом с бабушкой, бабушка ее так любила! Так пусть и Юленька хоть напоследок побудет с нею, узнает, что это такое – бабушка. А она поедет в Келпи и постарается уж как-нибудь продержаться до зимних каникул. Но зато потом сразу из Петербурга – в Псков! И они будут с Юлей вместе ухаживать за бабушкой до самого конца. Она все объяснит папе, и папа, конечно, все поймет и отпустит их в Псков.

Когда они приземлились в Лондоне и прошли паспортный контроль и таможню, Жанна посадила почти ослепшую от слез Аннушку в кафе, поставила возле нее дорожные сумки и Аннушкин чемодан, велела сторожить и отправилась узнавать, когда будет ближайший рейс на Дублин. Рейс был через два часа, и все это время Аннушка просидела в кафе, уже не плача, а просто глядя на высокий бокал с кока-колой, который ей принесла официантка по заказу Жанны.

Хранитель Иоанн стоял позади Аннушки, гладил ее по голове и что-то ласково нашептывал. Не забывая, однако, и по сторонам поглядывать: аэропорт – место людное, а люди всякие случаются.

Сама Жанна все время до объявления посадки провела в бутиках аэропорта, ничуть не беспокоясь об оставленной в кафе Аннушке. Потом она, нагруженная яркими пакетами, забежала за нею, и они едва-едва успели на дублинский рейс. Теперь Аннушка тем же грустным и отрешенным взглядом смотрела в окно на проплывавшую внизу зеленую Англию, а потом еще более зеленую Ирландию.

Ангел Иоанн сидел на крыле, обняв колени, и тоже задумчиво смотрел вниз: что-то их ждет в этой Ирландии!

В Дублине их должна была встречать преподавательница из Келпи, старая знакомая Жанны. Получив багаж, они вышли в зал.

– Мисс Кребс!

– Это меня, – сказала Жанна, вглядываясь в небольшую толпу встречающих. Аннушка удивилась: она знала, что фамилия Жанны была Рачок.

Жанна увидела свою знакомую и быстро направилась к ней.

– Сирона, дорогая моя, как поживаешь? – воскликнула она, протягивая руки к стройной блондинке в элегантном синем костюме. Они расцеловались. Аннушку поразили глаза блондинки. Они были так прекрасны, будто существовали на лице не для зрения, а только для красоты: в них не было никакого выражения, они просто сияли, и всё. Красавица поглядела на Аннушку и улыбнулась, показав неправдоподобно ровные жемчужные зубы.

– Девочка плохо себя чувствует?

– В самолете укачало, – небрежно пояснила Жанна, украдкой сделав Аннушке зверскую гримасу.

– Бедняжка. Давай знакомиться, Юлия Мишина! – сказала красавица и протянула Аннушке белую руку с длинными голубыми ногтями. Рука была холодная как лед. – Меня зовут Сирона Морген, я школьный врач. А еще я преподаю факультативный курс целительства.

– Меня зовут Юлианна, – сказала Аннушка, поскорее убирая свою руку после ледяного пожатия мисс Морген.

– Это домашнее имя, – пояснила Жанна.

Аннушка с Юлькой заранее решили, что после «размена» они будут обе зваться Юлианнами, чтобы нечаянно не запутаться в именах.

– Пусть будет Юлианна Мишина, – кивнула мисс Морген. – Тем более что в школе уже есть одна Юлия – Юлия Борджиа из Италии.

– Неужели из тех самых Борджиа? – удивилась Жанна. – Я полагала, они все вымерли.

– По крайней мере так она утверждает.

Они вышли из здания аэровокзала и направились к автостоянке. Мисс Морген подвела их к маленькому синему автомобилю, на дверце которого была нарисована симпатичная белая лошадка, взмахнула рукой, и обе дверцы и багажник гостеприимно раскрылись. Аннушка увидела, что половину багажника занимает большая клетка, в которой сидят четыре коричневых длинноухих зверька. Приглядевшись, она поняла, что это кролики, и очень удивилась: до сих пор коричневых кроликов ей видеть не приходилось. Мисс Морген поставила дорожные сумки, пестрые пакеты Жанны и Аннушкин чемодан рядом с клеткой и захлопнула крышку багажника.

– Не возражаешь, если я сяду впереди? – спросила Жанна. – Мы давно не виделись с Сироной и хотим поговорить.

– Мне все равно, – ответила Аннушка и стала пролезать через откинутое переднее сиденье, но в нерешительности остановилась: на заднем сиденье лежал зверь, которого она сначала приняла за собаку.

– Не бойся, Юлианна, садись! Мой котик подвинется. Дай место девочке, Брауни! – крикнула мисс Морген на зверя, оказавшегося и вправду котом невиданного размера и окраса – шерсть у него была коричневого цвета, почти того же оттенка, что у кроликов. Кот нехотя привстал и чуть-чуть подобрался, оставив Аннушке примерно треть сиденья. Она села и протянула руку, чтобы погладить кота и подружиться с ним, но он протянул ей навстречу толстую коричневую лапу с растопыренными когтями, и Аннушка свою руку тотчас отдернула. Кот поглядел ей прямо в глаза, широко зевнул и отвернулся.

– Ну и пожалуйста! – сказала Аннушка и тоже отвернулась к окну.

Мисс Морген села за руль, Жанна устроилась рядом, и машина тронулась.

Аннушка не слышала, о чем впереди переговаривались Жанна и мисс Морген, она устала от горя и слез и теперь просто смотрела в окно. Несмотря ни на что, Ирландия ей нравилась: даже у них в Пскове не было такой зеленой травы и такой чистой листвы на деревьях. Понравились ей веселые уютные домики вдоль шоссе и множество нешироких речек, через которые они то и дело переезжали. На пастбищах паслись стада чистеньких коров и овец, издали их фигурки казались игрушечными на фоне яркой зеленой травы, а сами пастбища были перегорожены невысокими каменными стенками. Вскоре она поняла, почему ирландская трава такая свежая и зеленая, а животные такие чистые: пока они ехали, на небо несколько раз набегали облака и поливали землю легким дождичком, а затем все снова заливало солнцем. Зеленые живые изгороди вдоль дорог были усыпаны красными ягодами боярышника и шиповника; ягоды были тоже промыты дождем, и оттого казалось, что они покрыты свежим лаком. «Какая у них тут природа веселая», – подумала Аннушка, и на сердце у нее полегчало.

Они миновали небольшой уютный городок с красной кирпичной ратушей и часами на башне, переехали по старому каменному мосту неширокую речку, потом совсем недолго ехали по грунтовой дороге сквозь сплошные заросли терновника и наконец остановились перед темно-зеленой стеной леса. Здесь от основной дороги прямо в лес уходила узкая лесная дорога, перекрытая ржавыми железными воротами. От ворот в обе стороны отходила замшелая и местами обвалившаяся каменная стена, почти скрытая терновником и куманикой¹⁰. Мисс Морген вышла из машины и своим ключом открыла ворота. Она развела половинки ворот в стороны, потом вернулась за руль, и они въехали на лесную дорогу, казавшуюся совсем заброшенной и малопроезжей. Мисс Морген снова остановила машину, вернулась и аккуратно затворила и заперла ворота. Дальше ехали по лесу, дремучему и сумрачному. Деревья тут росли огромные и старые, с длинными бородами лишайников и серо-зеленой плесенью на черной коре, с большими, как тарелки, грибами-трутовиками на стволах, а земля вдоль дороги была завалена непроходимым буреломом.

Проехав через мрачный лес, они оказались на берегу озера, а потом дорога стала медленно подниматься в гору, и Аннушка увидела впереди три холма на плоской каменистой равнине. На вершине среднего, ближайшего к озеру холма что-то ослепительно сияло. Когда солнце на минуту забежало за тучку, Аннушке удалось разглядеть, что это стеклянная пирамида, которая то ли стояла на вершине холма, то ли возвышалась за ним. Рядом с пирамидой на фоне голубого неба вырисовывалось большое мертвое дерево: оно наклонилось с холма, подняв к небу две черные корявые ветви с длинными голыми прутьями на концах – будто великан угрожающе поднял руки. А когда они подъехали еще ближе, она разглядела под мрач-

---

¹⁰ Куманика – разновидность ежевики, кустарник семейства розоцветных; плоды его пригодны в пищу.

ным деревом стройную и тонконогую белую лошадку, как две капли воды похожую на ту, что была изображена на дверцах их автомобиля. Лошадка не двигалась, и Аннушка решила, что это скульптура. «Мы подъезжаем к Келпи», – сообразила она и с облегчением вздохнула: из-за кота Брауни, который так и не подумал подвинуться, ей пришлось сидеть на краешке сиденья, и у нее от неудобной позы уже ныла спина.

– Вот мы и добрались, – сказала мисс Морген, заглушая мотор. Все вышли из машины. Аннушка огляделась. Холм был высоким и зеленым, но кроме травы на нем ничего не росло. Лишь у подножия, возле самой дороги стояли два дерева: старая рябина, вся покрытая гроздьями рубиновых ягод, и древний дуб, кряжистый, узловатый и замшелый. На его нижней ветке сидела крупная ворона с каким-то неопрятным седоватым опереньем – видно, тоже очень старая. Выйдя из машины, мисс Морген помахала вороне рукой, а ворона, будто отвечая ей, взмахнула крыльями и коротко каркнула, но улетать и не подумала.

Именно возле этих древних деревьев, рябины и дуба, начиналась невидимая стена, о которую с разлета ударился грудью Ангел Хранитель Иоанн. Он затрепетал крыльями и, не удержавшись в воздухе, упал на землю. Впрочем, он тут же вскочил на ноги и схватился за меч. И услышал позади негромкий глумливый смех. Ангел оглянулся и увидел на толстой нижней ветке дуба страшного беса в образе огромной то ли вороны, то ли гарпии: на первый взгляд ворона как ворона, только величины неправдоподобной, а приглядишься – гарпия.

– Ты откуда тут взялся, птенчик лучезарный? – спросила страхолюдина.

– Я сопровождаю мою подопечную, отроковицу Анну, – ответил Иоанн, не отнимая руки от рукояти меча.

– Да не держись ты за свой ножичек, Ангелок! Меня не напугаешь, – усмехнулась гарпия. – Ты лучше по сторонам погляди.

Ангел оглянулся и ужаснулся: бесы так и роились за невидимым ограждением. Впрочем, теперь Хранитель уже различал это ограждение, казавшееся ему куполом из мутного стекла, накрывшим весь огромный холм. Он увидел, как машина с Аннушкой и обеими ведьмами въехала внутрь купола через открывшийся в нем ход. Он с плеча замахнулся мечом и со всей мощи ударил по мутной преграде. Но ничего не произошло – меч отскочил и померк.

– Понял теперь? – спросила гарпия.

– Понял, – ответил Иоанн, вложил меч в ножны и глубоко задумался.

– Ну, а если понял, так и лети отсюда, не отсвечивай, – равнодушно сказала бесиха и зевнула во весь свой огромный то ли рот, то ли клюв, усеянный острыми зубами, уж конечно, не вороньими!

– Никуда я не уйду. Я имею право находиться возле своей подопечной! – заявил Ангел Иоанн.

– Имеешь, кто спорит? Но не здесь, не в наших владениях.

– Везде! – упорствовал Ангел. – Вечером моя девочка станет на молитву и призовет меня, и тогда меня никакая преграда не остановит.

– В самом деле? Как интересно, – равнодушно просипела гарпия. – Я бы поглядела, как это ты войдешь в сид¹¹.

– Что это еще за «сид»?

– Эх ты, сияющее невежество! Я имею в виду холм, перед которым ты стоишь и в который тебе не войти. В нем живут и учатся маленькие ведьмы, и твоя девчонка жить будет. – И, злобно хохотнув, гарпия добавила: – Там еще много кто живет...

– Так школа Келпи находится в этом холме?

---

¹¹ Сид – или сидх. Означает курган или холм. В мифологии ирландских кельтов особые места, в которых обитают различные волшебные существа.

– Угу. И тебе в него не войти.

– Я же сказал: войду, когда моя девочка позовет меня.

Гарпия пожала костлявыми плечами и принялась зубами чистить неопрятные черные перья.

Хранитель отвернулся от нее. Он встал между дубом и рябиной, опершись на меч, и принял позу терпеливого ожидания. Он ждал вечера: перед сном Аннушка станет на молитву и призовет его, и вот тогда он беспрепятственно войдет в этот холм-сид – по праву, данному Богом всем Ангелам Хранителям. Надо просто подождать, думал он.

Аннушка увидела, как лошадка, которую она приняла за скульптуру, повернула голову в их сторону и подняла одну ногу.

– Келпи, Келпи! – закричала мисс Морген. – Скачи сюда, я привезла тебе подарки!

Келпи звонко заржала и вскачь понеслась вниз с холма. Через мгновение белая лошадка уже стояла перед ними, переступая тонкими ногами и с любопытством оглядывая Жанну и Аннушку. Вблизи она была еще краше, чем казалась издали: шерстка на ней была блестящая, будто шелковая, и ослепительно белая, а короткая грива и волнистый хвост вблизи оказались цвета крем-брюле. Но удивительнее всего были ее глаза – большие и синие, почти васильковые.

Кот выпрыгнул из открытой машины, потянулся и легкими плавными прыжками подскокил к лошадке Келпи. Она игриво отбежала в сторону и остановилась. Кот начал подкрадываться, стараясь обойти лошадку, но она была начеку и поворачивалась за ним, кося на него синим глазом. Они покружились немного, а потом Брауни уселся перед лошадкой и уставился на нее. Тут она сама подошла к нему, изящно склонила головку на гибкой шее и принялась обнюхивать кота: со стороны казалось, что они разговаривают.

– Брауни докладывает Келпи, что привез новую ученицу, – со своей лучезарной улыбкой сказала мисс Морген. – Они очень привязаны друг к другу: оба они шотландского происхождения, как и я.

– А можно мне вашу Келпи погладить? – спросила Аннушка. – Я не боюсь лошадей.

Мисс Морген и Жанна переглянулись, и обе засмеялись. Ворона на дубу переступила когтистыми лапами и дважды хрипло каркнула. И это у нее прозвучало очень похоже на «Ха-ха!».

– Похвально, что ты не боишься лошадей, но гладить Келпи нельзя. Даже я не осмелилась бы на такую вольность, хотя мы с ней и старые подружки.

– Она что, такая строптивая? – спросила Аннушка.

– Можно сказать и так.

Мисс Морген открыла багажник, достала оттуда клетку с кроликами и поставила ее на землю. Кролики в клетке засуетились и начали тыкаться розовыми носиками в прутья. Увидев клетку со зверьками, Келпи бросила играть в гляделки с котом и подошла поближе.

– Сейчас, Келпи, сейчас, дорогая! – сказала ей ласково мисс Морген, разматывая проволоку, которой для верности была прикручена дверца клетки. Наконец дверца была отворена, но кролики не желали выходить: они испугались лошадки и забились в угол.

– Вы с Брауни отошли бы пока в сторонку, – сказала мисс Морген лошадке и коту.

Келпи, прядая остроконечными ушами, послушно отошла от клетки и замерла, не отводя любопытных глаз от кроликов. Кот фыркнул, прямо с земли запрыгнул на крышу автомобиля и там улегся, демонстрируя полное равнодушие к зверькам-трусикам.

Мисс Морген подняла клетку за кольцо и отошла шагов на двадцать от машины; там она поставила ее на землю и снова отворила дверцу: на этот раз кролики один за другим выкатились из клетки и стремглав полетели длинными скачками вверх по зеленому холму.

Кот мягко спрыгнул на дорогу и помчался за ними, а вслед за котом по склону поскакала лошадка Келпи. Кролики удирали от них сначала по прямой и все вместе, потом они вдруг

разделились по двое и побежали в разные стороны, и Брауни бросился за одной парой, а Келпи за другой. Потом разделились и эти пары, и лошадка с котом должны были выбирать, кого из кроликов им догонять. Оба остановились в раздумье, и вид у обоих был растерянный и немного глуповатый.

Аннушка засмеялась и захлопала в ладоши, видя растерянность чудесных животных; в данный момент ее симпатии были, конечно, на стороне преследуемых кроликов – ведь те не знали, что им нечего бояться лошадки и котика, и убегали в страхе за свою жизнь.

– Тебе нравится эта погоня? – спросила мисс Морген, внимательно глядя на Аннушку.

– Конечно, нравится!

– Похвально. К сожалению, в этот раз мы не увидим ее окончания – нам пора. Садитесь в машину!

– А как же котик? Он не потеряется?

– Пусть погоняется за кроликами: у него в последнее время повысился холестерин, и ему полезна разминка. Не беспокойся, Брауни не потеряется, ведь мы уже дома.

Аннушка оглянулась, но никакого дома поблизости не увидела. Она решила, что школа скрывается за холмами.

Мисс Морген закинула в багажник пустую клетку, снова села за руль и пригласила Аннушку с Жанной занять свои места. Машина вплотную подъехала к холму, и тут в нем открылся проход; Аннушка и не заметила, как это произошло. Они въехали в темный проем и оказались в большом подземном гараже, где стояло несколько легковых машин и синий автобус со знакомой эмблемой на боку – белой лошадкой Келпи. И на дверцах всех легковых машин были нарисованы такие же белые лошадки.

– Берите вещи Юлианны и пойдете, – сказала мисс Морген.

Свои вещи Жанна оставила в машине, подхватила Аннушкину сумку, а ей предоставила чемодан. Заметив, что Аннушке трудно вытащить из багажника тяжелый чемодан, мисс Морген молча взяла его и понесла сама. Они прошли через весь гараж и остановились перед большим темным проходом в каменной стене.

– Дорогие, в нашей школе много древних традиций. Они, может быть, уже и не имеют особого смысла, но мы стараемся без особой необходимости их не менять. Вот по традиции мы и войдем в школу Келпи через древний лабиринт. Это его портал.

По бокам прямоугольного прохода стояли приземистые круглые колонны, а на них лежала массивная каменная балка; в глубине портала находилась железная дверь с ручкой в виде когтистой лапы, сжимающей хрустальный шар; каменные колонны и балка были украшены резным орнаментом из переплетающихся спиралей. Они прошли через портал и оказались в узком коридоре, который уже через пять-шесть шагов начал разветвляться и поворачивать под разными углами. Это был настоящий лабиринт, и в нем царил сумрак. Стены были невысоки, примерно в полтора человеческих роста, а выше была черная, уходящая ввысь пустота. Аннушка поняла, что одна она в этом лабиринте заблудилась бы ровно через пять минут, но, следуя за мисс Морген, они прошли его довольно скоро и остановились перед кованой железной дверью в стене. Узоры на двери повторяли тот же рисунок, что был на каменном портале, – пересекающиеся спирали, только на сей раз они были выкованы в металле.

– Лабиринт мы прошли, а теперь мы должны пройти сквозь огонь и воду, окружающие Келпи. Одно из древних правил гласит, что ученицы проходят их с завязанными глазами, – сказала мисс Морген. Из сумки она извлекла большой старинный ключ и черный шелковый платок. – Тебя, Жанна, это не касается, ты моя гостья. Подойди ко мне, Юлианна!

Аннушка послушно подошла к мисс Морген, и та завязала ей глаза. Повязка получилась не тугая, но такая плотная, что Аннушка не видела ни искорки света и лишь на слух воспринимала все, что происходило потом. Сначала она услышала, как повернулся ключ в замке и с визгливым скрипом отворилась железная дверь; они оказались в каком-то жарком помеще-

нии, по звуку и запаху похожем на котельную. Аннушка услышала чье-то громкое дыхание, лязг металла, удары, скрежет и догадалась, что это кочегары открывают топки и забрасывают в них уголь. «Странная у них традиция – водить гостей через котельную», – подумала она. Мисс Морген взяла ее за руку и повела дальше. Отворилась и закрылась за ними еще одна дверь, и воздух стал сырым, пахло водой, но не морской, а так, как пахнет жарким летним днем на берегу городского канала, например, Екатерининского в Петербурге. Под ногами у них загремело, будто они шли по железному мосту. А еще Аннушка услышала громкий плеск, фыркание и пыхтенье: кто-то в этом канале плавал совсем неподалеку, какие-то крупные животные или рыбы.

Потом снова послышался звук поворачиваемого ключа и скрип дверей; после жара котельной и затхлого запаха канала в новом месте воздух показался Аннушке особенно свежим и приятным.

– Ну вот мы и пришли. Добро пожаловать в Келпи, дорогая Юлианна, – торжественно произнесла мисс Морген, снимая с Аннушки повязку.

Аннушка проморгалась и воскликнула:

– Ой, как же у вас тут красиво!

Теперь они стояли в цветущем саду. Перед ними лежала вымощенная белыми известковыми плитами дорожка. Дверь, через которую они вошли, находилась в стене удивительного здания: его стены, плавно изгибаясь, уходили вправо и влево от входа, а впереди замыкались в кольцо. Проще говоря, сад находился внутри кольцеобразного здания. Необычным было и то, что стены здания стояли не прямо, а довольно заметно наклонялись внутрь круга, занятого садом. Но эти наклонные стены совсем не затеняли сада и сами были почти сплошь увиты выющимися растениями. Солнце как раз стояло в зените, и его лучи, падая сверху, освещали серую каменную кладку и сверкали на блестящих листьях дикого винограда и плюща, на лиловых и розовых цветах клематиса, на красных и белых плетистых розах, кое-где добиравшихся до второго этажа. Аннушка хотела по окнам сосчитать, сколько этажей было в этом странном здании, но не смогла, потому что окна шли не рядами, а как попало: они плясали по всей стене, не соблюдая ни этажей, ни вообще какого бы то ни было порядка. Были окна высокие и широкие – дворцовые, было множество старинных окон с частыми переплетами, некоторые совсем крохотные или узкие, как бойницы; были окошки с полосатыми ставенками и с резными ставнями, были высокие готические окна и окна-витражи, были и полукруглые, а в одном месте шли в ряд круглые корабельные иллюминаторы. Аннушка поняла, что, если она будет и дальше разглядывать эти сумасшедшие окна, у нее закружится голова. Но тут мисс Морген пригласила их следовать за ней через сад:

– Поспешим, дорогие. Наша директриса леди Бадб уже ждет нас.

Вдоль дорожки росло множество самых разнообразных цветов, и росли они так густо, что не помещались в куртинах и ложились пышными грудками на дорожки сада. Сразу за грядами цветов поднимались кусты, многие в цвету, несмотря на середину августа, а еще дальше на ровных зеленых лужайках стояли редкие большие деревья, и некоторые из них тоже цвели, а на одном деревце росли аккуратные букеты оранжевых тюльпанов: Аннушка даже остановилась и открыла рот, когда увидела это тюльпанное дерево. «Прямо райский сад!» – подумала она. Где-то неподалеку журчала вода, через дорогу перелетали крупные бабочки, а на ветвях деревьев сидели большие яркие птицы. Впереди дорожку начал неспешно переходить павлин. Заметив людей, он остановился и начал было распускать хвост, но вдруг передумал: изящно изогнув сверкающую зеленую шею, он склонил что-то у себя из-под ног и важно скрылся в кустах на другой стороне дорожки.

В просвете между деревьями Аннушка увидела голубую воду: там лежало круглое озеро, а посередине его бил высокий фонтан.

– Какой сад, какое озеро, какой фонтан! – громко восхищалась Жанна. – Я завидую тебе, Аннушка, ты будешь жить в этом великолепии!

– Это наш маленький садик для отдыха, – скромно сказала мисс Морген. – Сейчас каникулы, и потому здесь пусто, а вообще наши ученицы очень любят свой садик. У нас тут лето круглый год.

– Как здорово, – сказала Аннушка и тут же решила, что она будет приходить сюда не только отдыхать, но и учить уроки.

Идя через сад, они увидели перелетавших с дерева на дерево крохотных белых обезьянок, стайку колибри в цветах и большого пестрого попугая, который приветствовал их криком: «Дуррочки! Дуррочки!» И уж совсем очаровала Аннушку оленья семья, втроем объедавшая какое-то невысокое деревце – гордый олень-отец с ветвистыми рогами, кроткая олениха и чудесный олененок, настоящий Бемби. Малыш стоял на задних ногах, одной передней оперлся на толстую ветку, а вторую, согнутую, держал на весу: он осторожно и пугливо тянул мордочку, объедая мелкие листики. Бок олененка был весь в светлых круглых пятнышках величиной с монету, будто в солнечных зайчиках.

Еще поворот дорожки, и Аннушка увидела альпийскую горку из камней, земли и разнообразных невысоких растений. На горке были установлены движущиеся фигурки гномов: одни копали землю между камнями и сажали в нее цветы, другие их поливали, третьи перетаскивали камни с места на место.

Если бы Аннушка пригляделась к гномам, она бы увидела недобрые лица, а если бы остановилась и прислушалась, то услышала бы, как они переругиваются между собой писклявыми голосами. Гномы были настоящие.

Они пересекли сад и снова очутились перед стеной шедшего по кругу здания. Затем они прошли сквозь большие, как ворота, деревянные двери и оказались в холле, у подножия широкой беломраморной лестницы. Они поднялись на площадку второго этажа. Тут Аннушка увидела высокую двустворчатую резную дверь и двух железных рыцарей по бокам от нее. Из-под блестящих стальных нагрудников рыцарей торчали короткие кожаные юбочки, а из-под шлемов свисали косички. Если бы просто косы, Аннушка не удивилась бы: она читала, что древние воины перед боем заплетали косы, чтобы волосы не мешали сражаться, но тут были не косы, а множество тонких косичек, и каждая заканчивалась бантиком, бусинкой или еще какой-нибудь «фенечкой».

Рыцарь-девицы одновременно сделали боковые шаги навстречу друг дружке и скрестили алебарды перед идущими.

– Гости по приглашению леди Бадб, – сказала мисс Морген, и они молча отвели свое грозное оружие и отступили, пропуская гостей. Вслед за мисс Морген Жанна и Аннушка вошли в удивительный зал. Он был весь словно выкован из красноватой меди: медными были стены и стулья, стоявшие вдоль стен, паркет пола и большие вазы на полу, наличники и переплеты окон; даже камин в зале был медным. И вся эта медь была начищена до ярчайшего блеска. Мисс Морген попросила их присесть на стоящие вдоль стены и не слишком удобные на вид медные стулья, а сама прошла в следующую дверь.

Через несколько минут сидения на холодной и жесткой меди и разглядывания сверкающего интерьера у Аннушки начали слезиться глаза, хотя сегодня она, кажется, уже выплакала все слезы. Она перевела взгляд на окна, за которыми виднелись верхушки деревьев, хотела встать и подойти к окну, но Жанна резко дернула ее за руку:

– Сиди спокойно! Успеешь еще наглядеться на обезьян и попугаев.

Вообще-то Аннушка хотела еще раз взглянуть на семью оленей, но не спорить же было с Жанной! Да уже и некогда было.

– Леди Бадб просит посетителей войти! – торжественно произнесла вышедшая из двери мисс Морген.

Кабинет директрисы школы Келпи, в отличие от пышной приемной, был довольно прост и отделан темным дубом, но резьба, покрывавшая стены и высокие старинные шкафы, была замысловатой и тонкой. Шкафы были забиты книгами и разными непонятными предметами – может быть, здешними учебными пособиями? В одном из шкафов Аннушка заметила полку с обыкновенными школьными глобусами: она улыбнулась им, как старым знакомым.

Стол директрисы стоял напротив двери, в дальнем конце кабинета, и когда она поднялась из-за него и пошла им навстречу, Аннушка успела хорошо ее рассмотреть. Темноволосая и смуглая женщина была одета во что-то красное и разлетающееся при ходьбе; ее шея, уши и обнаженные до локтей руки были унизаны драгоценными камнями, а один камень был даже подвешен на цепочке посередине лба. Она шла к ним, протянув руки и радостно улыбаясь.

– Дорогие мои, я просто не верю своим глазам! Это в самом деле случилось – к нам пришла первая ученица из далекой России! Какая радость, какая честь для нас... Ах, малышка, дай же мне поскорей обнять тебя!

Аннушка с растерянным видом шагнула ей навстречу. Впрочем, объятие было чисто условным: леди Бадб просто слегка сжала ладонями ее плечи и тут же отпустила. Потом она провела всех в угол, где вокруг небольшого стеклянного столика стояли мягкие кресла, и предложила присесть.

– По рюмочке келпинского ликера с дороги, дорогие дамы? А для моей будущей любимой ученицы – бокал сока моего собственного приготовления.

Не дожидаясь ответа, леди Бадб подошла к висевшему в уголке настенному шкафчику, достала из него небольшой золотой поднос, поставила на него бокал и три маленькие рюмочки, два кувшина, большой и маленький, и все это из голубого с золотыми мушками стекла; мушки в стекле двигались, взлетали и опускались. Перед Аннушкой был поставлен бокал, и леди Бадб собственноручно налила в него сок, оказавшийся необыкновенно душистым и сладким. Аннушка пила и чувствовала, как с каждым глотком этого волшебного сока уходит прочь дорожная усталость, отодвигается тревога и какая-то непривычная легкость появляется в теле, в мыслях и в сердце: все на свете вдруг стало казаться не слишком важным, а жизнь представилась чем-то вроде веселой игры и забавы.

– Ну, Юлианна, нравится тебе у нас?

– Да, очень нравится, леди Бадб.

– И что же тебе понравилось больше всего?

– Ваш сад и ваши животные: олени в саду и коричневый котик мисс Морген, а больше всего лошадка Келпи.

– Вот это прекрасно, что тебе с первого взгляда понравилась наша Келпи. Надеюсь, что и мы с мисс Морген тебе нравимся?

Аннушка смутилась: она не привыкла к таким прямым вопросам и не знала, что ответить. Но, подумав, решила сказать правду:

– Я вас еще почти не знаю.

Жанна свирепо на нее глянула, а мисс Морген чуть-чуть нахмурила тонкие брови.

– Малышка устала с дороги, – примиряюще сказала леди Бадб. – Налей себе еще сока, Юлианна, он тебя взбодрит и поможет веселей глядеть на мир!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.